

Мои воспоминанія объ архимандритѣ Феодорѣ (А. М. Бухаревѣ).

(Продолженіе) ¹⁾.

(1856 Апр. 8). „На этой недѣлѣ захворалъ у насъ нашъ бакалавръ Словесности Ив. Як. Порфирьевъ и этому случаю мы обязаны были удовольствіемъ послушать о. Феодора; онъ занималъ у насъ, вмѣсто Ив. Як., два класса и читалъ свои письма о Гоголѣ къ самому Гоголю. Видно было, какъ затруднялся онъ, желая объяснить такую форму своего сочиненія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, не желая признаться, что эти письма въ самомъ дѣлѣ были писаны къ Гоголю“. Я и теперь не знаю,—читалъ ли самъ Гоголь эти письма и, если—даже читалъ,—то не читалъ ли одно только первое письмо, которое, повидимому, одно только еще было написано, когда о. Феодоръ представлялъ этотъ свой трудъ на судъ Митрополита ²⁾). По формѣ, письма эти, кажется, имѣли назначеніе быть „открытыми письмами“, нужными прежде всего для нравственнаго поддержанія Гоголя, убиваемаго внутренними противорѣчіями и отношеніями друзей, не говоря уже объ отношеніяхъ болѣе широкаго круга его читателей и почитателей; но затѣмъ письма эти назначались и для исправленія нѣкоторыхъ невѣрностей богословствующей мысли моралиста-Гоголя. Но для того, чтобы поднять упавшій духъ Гоголя, важно было сдѣлать эти письма именно письмами открытыми; они имѣли значеніе апологіи Гоголя;

¹⁾ См. Богословскій Вѣстникъ 1906 г. Май стр. 98—128.

²⁾ Богосл. Вѣст. 1905 г. Ин. стр. 523.

они должны были служить голосомъ сторонняго человѣка въ борьбѣ, завязавшейся изъ-за „Переписки съ друзьями“,—сторонняго человѣка, понявшаго „Переписку“ не какъ отреченіе Гоголя отъ прежнихъ вѣрованій, а какъ откровенное признаніе друзьями, объясняющее внутреннюю, субъективную сторону всей писательской дѣятельности Гоголя. Самъ Гоголь,—сознательно—относился ли такъ къ своимъ произведеніямъ, какъ изображаетъ это въ своихъ „Письмахъ“ къ нему о. Ѳеодоръ,—это другой вопросъ. Быть можетъ и о. Ѳеодоръ понималъ, что въ своихъ письмахъ къ Гоголю онъ изображаетъ съ строгой отчетливостью то, что у Гоголя было безсознательно. Во всякомъ случаѣ, письма къ Гоголю для того, чтобы стать его апологіей, должны были стать открытыми письмами. И не потому ли собственно такъ огорчила нѣкогда о. Ѳеодора неудача, постигшая это его дѣло вслѣдствіе рѣшительнаго veto, наложеннаго Митрополитомъ. Что о. Ѳеодоръ не отступился отъ своего дѣла,—потому что не было у него“ своихъ дѣлъ, но всегда и во всемъ онъ дѣлалъ дѣло Христово—что о. Ѳеодоръ не бросилъ этого дѣла, свидѣтельствуешь продолженіе этого дѣла составленіемъ второго и третьяго письма, послѣ уже митрополичьяго запрещенія. Но о. Ѳеодоръ могъ и не спѣшить сообщеніемъ своихъ писемъ самому Гоголю могъ и не поспѣть съ своею поддержкой вслѣдствіе безвременной кончины Гоголя. Не помню, спрашивалъ ли я когда нибудь, по напечатаніи этихъ Писемъ,—о томъ, читалъ ли ихъ самъ Гоголь или они были напечатаны только какъ посмертное оправданіе Гоголя, какъ мученика своихъ убѣжденій и своей двойственности. Продолжаю выписку изъ письма: „Въ нихъ“ (въ своихъ письмахъ къ Гоголю) „онъ“ (о. Ѳеодоръ) „только излагаетъ возрѣніе на міръ самого поэта и—все почти собственными словами его произведеній; но—то ли въ самомъ дѣлѣ мысли о. Ѳеодора и Гоголя совершенно одинаковы,—то ли онъ счумѣлъ ихъ очень искусно перетолковать,—только, слушая мысли Гоголя изъ устъ о. Ѳеодора, слышитъ самаго о. Ѳеодора. Впрочемъ,—чьи бы это ни были мысли,—ихъ слушать чрезвычайно интересно; это—философія, — не только христіанская, но даже православная. Посмотрѣли бы Вы, съ какимъ вниманіемъ всѣ слушаютъ его“!

„Въ среду и пятницу на часахъ (на 6-й недѣлѣ) у насъ

читали евангеліе; въ прошедшемъ году читали только одно евангеліе; а нынѣ,—такъ какъ службы больше и слѣдовательно,—можно было начать чтеніе заранѣе,—то о. Феодоръ расположился прочитатъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ. Читаетъ онъ, обыкновенно, самъ и—очень скоро; въ среду прочиталъ отъ всего евангелиста Матѳея, въ пятницу—евангеліе отъ Марка—тоже все. Въ пятницу служба шла до часу, а въ среду до половины втораго; а начиналась, какъ обыкновенно, въ 10 часовъ.

(1856 г. *Апр. 12. Великій Четвертокъ*). „Во время причастна была проповѣдь (можно сказать—о. Феодора) о томъ, какъ удержать спасительные плоды таинства причащенія“.

„Нынѣ читали 12 евангелій: о. Ректоръ, о. Феодоръ, о. Веніаминъ, о. Григорій, о. Діодоръ, о. Экономъ; служеніе было торжественное и продолжалось ровно 3 часа. А поутру нынѣ о. Феодоръ и о. Веніаминъ были въ соборѣ,—на омовеніи ногъ“.

(1856 г. *Пасха-понедѣльникъ*). „Нынѣ обѣдня была у насъ въ 8 часовъ; напившись чаю послѣ обѣдни, я съ Д. ходилъ поздравить Ив. Як.; потомъ, взявъ еще С., отправились къ о. Григорію; потомъ уже я одинъ сходилъ къ о. Веніамину, который давнымъ давно напрашивался на мои визиты. Хотѣлось было мнѣ поздравить о. Феодора, но завтра, кажется, ужъ будетъ поздно; а онъ и вчера, и нынѣ служилъ въ городѣ; вчера у него были „старшіе“; но, говорятъ, онъ высказывалъ желаніе, чтобы къ нему пришли всѣ студенты (Я похристосовался съ нимъ уже въ четвергъ, встрѣтившись на лѣстницѣ, когда онъ шелъ къ обѣднѣ). Въ понедѣльникъ вечерню и всенощную у насъ пѣли архіерейскіе пѣвчіе, которые пришли было въ академію только пропѣть гдѣ нибудь концертъ. О. ректоръ имъ выслалъ деньги,—только чтобы не пѣли; у о. Феодора пропѣли что-то. Но такъ какъ это пришлось около 4-хъ часовъ, а нашъ регентъ представилъ о. ректору, что наши академическіе пѣвчіе охрипли; то о. ректоръ заставилъ архіерейскихъ пѣвчихъ, вмѣсто концерта, пропѣть вечерню и заутреню; а послѣ сказалъ имъ „спасибо“! да, въ придачу, замѣтилъ, чтобы они не торопились. И это была у насъ послѣдняя, должно быть, пасхальная заутреня; хотя о. Феодору и хотѣлось было сдѣлать, чтобы у насъ продолжалась служба всю пасху,—это почему-то не состоялось“.

(*Апр. 20—пятница пасхальной недѣли*). „По тому случаю, что нынѣ празднуютъ Живоносному Источнику, у насъ вчера была вечерня и заутреня въ 7 часовъ вечера, чтобы лучше могли успѣть—кто желаетъ—изъ тѣхъ студентовъ, которые были уволены на вечеръ въ городъ. Обѣдня нынѣ тоже была въ 7 часовъ; служилъ о. Теодоръ; а вечеромъ въ 4 часа была вечерня и—послѣдняя (!) пасхальная заутреня. Грустно разставаться съ Пасхой! хотѣлось бы, чтобы она продолжилась еще; но—мы не умѣемъ праздновать“; намекъ умолчанія на какія нибудь обстоятельства, обнаружившія не-духовное празднованіе.

(*1856 г. 28 и 29 Апр.*). „Твою картинку, К., я все еще отдалъ Прокофію; я нынѣ рѣдко его вижу; онъ уже не живетъ у о. Теодора; наконецъ и о. Теодоръ убѣдился, что Прокофій мѣшаетъ ему и еще передъ страстной недѣлей Прокофій опять сошелъ жить въ кухню“.

(*1856 г. Мая 11 и 13*). „Несмотря то, что на этой недѣлѣ было два праздника сряду,—мы не хотѣли терять майской недѣли безъ рекреаціи, тѣмъ больше, что въ среду дали рекреацію въ семинаріи; а по нашему замѣчанію, въ прошедшемъ году у насъ всегда давали рекреацію на другой день послѣ семинарской. Отправили въ среду, послѣ вечерняго чая, старшаго дежурнаго къ о. Теодору, чтобы онъ попросилъ за насъ о. ректора и—рекреація была свечера же получена. Меня попросилъ къ себѣ о. Веніаминъ читать опять переводъ Бл. Феофилакта и я просидѣлъ у него до ужина и потомъ опять послѣ молитвы—часовъ до 10 съ половиной. При этомъ о. Веніаминъ высказалъ мнѣ, что о. Теодоръ обо мнѣ такого мнѣнія, что я большой *формалистъ*; (признаться сказать, мнѣніе о. Теодора очень справедливо! во мнѣ гораздо больше формы, чѣмъ содержанія!) О. Веніаминъ говоритъ, будто онъ только такъ заключаетъ изъ нѣкоторыхъ словъ о. Теодора; но я думаю, что о. Веніаминъ и проговорился именно подъ вліяніемъ слишкомъ живаго впечатлѣнія: я думаю, что о. Теодоръ именно только что передъ тѣмъ высказалъ ему такое мнѣніе обо мнѣ, потому что передъ тѣмъ только былъ у него о. Теодоръ и они составляли вѣдомость о поведеніи студентовъ, т. е., конечно, о. Веніаминъ писалъ, а о. Теодоръ подписался; вѣроятно, при этомъ то случаѣ и было слово обо мнѣ и о.

Теодоръ высказалъ свое мнѣніе,—тѣмъ, болѣе, что при вѣдомости, въ числѣ студентовъ особенно отличныхъ по поведенію, было и мое имя“.

Зналъ бы о. Веніаминъ, какъ этотъ самый Лаврскій, котораго—видимое дѣло—онъ только что защищалъ предъ о. Теодоромъ при составленіи вѣдомости, недавно,—въ предъидущемъ письмѣ къ роднымъ,—аттестовалъ его самого—о. Веніамина! Я писалъ: „право! какъ всегда прекрасно принимаетъ меня о. Веніаминъ!—съ какимъ радушіемъ и откровенностью! впрочемъ, онъ со всѣми откровененъ болѣе или менѣе, потому что—болтливъ немного. Но, признаюсь, мнѣ довольно смѣшно бываетъ, когда они жалуются мнѣ другъ на друга,—напримѣръ о. Григорій на о. Веніамина, о. Веніаминъ на о. Григорія и т. п.“

Въ это время начались уже со стороны ректора и о. Веніамина зазыванія,—а со стороны о. ректора и довольно настоятельныя увѣщанія меня 20-лѣтняго юноши—къ принятію монашества. Теперь я думаю, что на этотъ разъ о. Веніаминъ не просто „проговорился“ какъ писалъ я, а не безъ намѣренія допустилъ эту маленькую измѣну служебной тайнѣ ихъ инспекторскихъ совѣщаній; онъ замѣчалъ уже, что я ухожу изъ подъ воздѣйствія ихъ монашеской среды и перехожу на сторону о. Теодора. Здѣсь и высказалось желаніе расхолодить отношенія мои къ о. Теодору разглашеніемъ, что онъ—о. Теодоръ не очень то лестнаго обо мнѣ мнѣнія.

(1856 Мая 19 и 20). „На этой недѣлѣ у насъ было двѣ рекреаціи; одну о. Теодоръ намъ выпросилъ во вторникъ; я былъ у обѣдни на кладбищѣ: тамъ же былъ и о. Теодоръ; послѣ обѣдни онъ пригласилъ меня походить съ нимъ по кладбищу; раздѣлилъ со мной свою просвиру и часа полтора говорилъ со мной о поминовеніи усопшихъ; впрочемъ, это было только темой, а говорилъ онъ большею частію вообще о духѣ, о томъ, что не надобно ограничивать ея однимъ только буквальнымъ пониманіемъ и исполненіемъ чего бы то ни было; а потомъ уже—о духѣ и силѣ поминовенія по усопшимъ. Говорятъ, на листѣ, который представляютъ при окончаніи каждаго курса наставникамъ,—съ запросомъ: желаютъ ли они продолжать службу?—о. Теодоръ подписался нынѣ, что не желаетъ“. (*Въ четвергъ на той же*

недѣль).—„Возвращаюсь я отъ о. Веніамина, а у насъ ужъ получена рекреація; сначала студенты обратились, конечно, къ о. Θεодору, но о. Θεодоръ сказалъ, что ему ужъ стыдно просить о. Ректора; подите, попросите сами и скажите, что я съ своей стороны благословляю; о. ректоръ тоже благословить и“... (дальѣ идетъ описаніе того, какъ я воспользовался этою рекреаціей).

„Я Вамъ давно собирался написать, да еще доселѣ все не написалъ; мы нынѣ усердно поминаемъ Пасху“; (Писано было предъ отдаченіемъ). „Какъ то разъ, еще—должно быть—въ первыхъ числахъ мая и едва ли не по случаю рекреаціи, студентамъ... (нѣкоторые изъ нихъ были въ восторженномъ состояніи)—студентамъ не захотѣлось читать вечернюю молитву; вздумалось помянуть Пасху,—и они запѣли: „да воскреснетъ Богъ“! Но порядокъ тотчасъ былъ восстановленъ, и стали читать, по обыкновенію, вечернія молитвы; только, должно быть, это услышалъ о. Θεодоръ ¹⁾, пришелъ къ намъ на молитву (а ужъ онъ не бывалъ на молитвѣ, кажется, съ самой масляницы). И послѣ молитвы велѣлъ пропѣть: „да воскреснетъ Богъ“! съ тѣхъ поръ всегда, вмѣсто вечерней молитвы, поютъ Пасху, и о. Θεодоръ не пропускаетъ почти ни одной молитвы. Прежде „Пасхи“ поемъ канонъ (одни только ирмосы) и потомъ уже „Пасху“, а иногда о. Θεодору вздумается и онъ велитъ пропѣть еще „Первый часъ“. При этомъ мнѣ вотъ что приходитъ на мысль: какой ужасный ропотъ поднялся бы, если бы подобное прибавленіе къ молитвѣ велѣлъ сдѣлать о. Веніаминъ или даже о. Серафимъ! а у о. Θεодора никто не вопіетъ при такихъ случаяхъ; никто почти не вопіетъ даже и тогда, какъ онъ, напримѣръ, поддерживаетъ студентовъ въ классѣ лишнихъ полчаса, заговорившись о какомъ нибудь предметѣ. Всѣ его очень любятъ“.

Это желаніе о. Θεодора, чтобы студенты, вмѣсто чтенія вечернихъ и утреннихъ молитвъ, пѣли пасхальныя пѣснопѣнія, пока пѣніе это продолжается въ Церкви, т. е. до са-

¹⁾ „Широкія трубы, которыми тепло расходилось по всему зданію изъ подземнаго этажа, гдѣ были устроены амосовскія печи, дѣлали изъ академическаго зданія своего рода курьезъ въ акустическомъ отношеніи: въ нижнемъ этажѣ,—въ квартирахъ ректора и инспектора слышно было то, что дѣлалось въ самомъ верхнемъ,—въ номерахъ студентовъ“.

мага отдаѣнія Пасхи, я объяснялъ себѣ тогда просто желаніемъ его самому получить духовное удовольствіе; теперь же я думаю, что тутъ была другая причина: услыхавъ, что однажды студенты сами, вмѣсто чтенія, запѣли молитву, о. Теодоръ принялъ это за указаніе, что ихъ молодымъ душамъ настроеннымъ болѣе къ *благодушію*, чѣмъ къ покаянному сокрушенію духа, какимъ проникнуты всѣ почти молитвословіе Церкви Православной,—больше подходитъ торжественное пасхальное *пѣніе*, чѣмъ монотонное молитвенное чтеніе,—что въ пѣніи можетъ найти себѣ выраженіе не только потребность облегчить утомленную надъ конторкой грудь глубокимъ вдыханіемъ и широкой волной торжественныхъ звуковъ, но и потребность собственно религіозная, тогда какъ чтеніе будетъ выслушиваться или выстаиваться студенческой массой чинно, прилично, но совершенно безучастно и — слѣдовательно — лицемѣрно. Однимъ словомъ, этимъ распоряженіемъ о возможно широкой замѣнѣ чтенія молитвъ, требуемаго академическимъ уставомъ пѣніемъ молитвы о. Теодоръ приводилъ въ исполненіе завѣтъ апостола: „скорбѣть ли кто изъ васъ, пусть ищетъ себѣ облегченія въ молитвѣ; благодушествуетъ ли кто,—пусть выражаетъ свое настроеніе въ пѣніи псалмовъ“ (Іак. V, 13).

(1856 г. Іюня 1-го). „Вчера вечеромъ уже послѣ молитвы пришелъ я къ о. Теодору (раньше его не было дома), просить позволенія—сходить къ обѣднѣ“. (По случаю дня ангела,—на чтѣ увольненіе всегда давалось безъ отказа тѣмъ, кто просилъ о немъ). „Онъ отпустилъ съ большимъ удовольствіемъ и посовѣтовалъ сходить въ Казанскій монастырь; но я сказалъ, что располагался было идти въ Спасскій монастырь“, (гдѣ лежатъ мощи святителя Варсонофія) „потому что въ Казанскомъ очень много служатъ молебновъ“. „И это—хорошо,“ сказалъ о. Теодоръ, „къ святителю Варсонофію сходите, помолитесь у него; а къ Владычицѣ-то все таки зайдите,—помолитесь Ей передъ новымъ то годомъ“.

„Завтра Нафанаилъ Петровичъ ¹⁾ хотѣлъ спрашивать всѣхъ по билетамъ, приготовленнымъ для экзамена; можете понять,—какой ужасъ возбуждало во всѣхъ такое намѣреніе: отвѣчать Нафанаилу Петровичу—не то, что отвѣчать на экза-

¹⁾ Соколовъ.—профессоръ Философіи.

менѣ, гдѣ можно врать сколько душѣ угодно, лишь бы выходило складно; притомъ,—на экзаменѣ отвѣчаемъ билеты—каждый изъ своей части, а тутъ!.. Всѣ не знали, чтó и дѣлать. Какъ вдругъ... о, вожделѣнная вѣсть!—о. Ѳеодоръ хлопоталъ увольненіе отъ классовъ! Онъ и вчера просилъ о. Ректора; о. Ректоръ сказалъ, что уволить на слѣдующей недѣлѣ. Но о. Ѳеодоръ былъ такъ добрѣ, что хотѣлъ поговорить ему еще, и—вотъ... кончились классы, конченъ младшій курсъ“... (стр. 1030).

„Въ среду вечеромъ я пилъ чай у о. Григорія. Разсказывалъ мнѣ о приѣмѣ Владыки“. (О приѣмѣ академическихъ начальниковъ по возвращеніи изъ Петербурга Высокопреосвященнаго Григорія на лѣто въ свою епархію“) Преосвященный былъ очень въ духѣ; „ну, что!—полно блажить-то!“—сказалъ онъ о. Ѳеодору, когда дѣло зашло о его увольненіи,—и о. Ѳеодоръ, къ великому нашему счастью и удовольствію, остается въ Академіи. По этому случаю его назначаютъ ревизоромъ въ Симбирскъ „.....“ О. Веніаминъ подалъ просьбу объ увольненіи его отъ должности Помощника Инспектора; быть можетъ, онъ имѣлъ нѣкоторые виды на увольненіе о. Ѳеодора; увы!“

(1856 г. *Юня 9/10*) „О. Веніаминъ уже предлагалъ было о. Ѳеодору назначить новыхъ старшихъ, но о. Ѳеодоръ отклонилъ такое предложеніе“. Такая странная, по всей предвѣременности, забота о. Веніамина о предназначеніи на должность комнатныхъ старшихъ студентовъ еще не перешедшихъ даже на старшій курсъ, объяснялась, полагаю я, опасеніемъ о. Веніамина, что послѣ ваката ему уже не будетъ никакого резона руководить о. Ѳеодора въ выборѣ старшихъ, такъ какъ до наступленія новаго учебнаго года просьба о. Веніамина объ увольненіи его отъ должности помощника инспектора могла уже получить удовлетвореніе; а онъ опасался, что о. Ѳеодоръ, безъ надлежащаго руководства со стороны, могъ надѣлать крупныхъ ошибокъ въ выборѣ старшихъ,—прямыхъ и единственныхъ орудій инспекціи въ поддержаніи дисциплины, въ проведеніи такого или иного на правленія. Но о. Ѳеодоръ не очень слѣшилъ установленіемъ этого новаго орудія: въ началѣ Сентября у меня записано: „Спасибо о. Ѳеодору,—что онъ недѣльнымъ череднымъ стар-

шимъ“ ¹⁾ дѣлаеть пока не комнатныхъ будущихъ старшихъ, а тѣхъ, которые оставались въ Академіи, какъ это было во время вакаціи. Мы являлись“ (послѣ вакаціи) о. Теодору... Кждаго студента послѣ прїѣзда ужъ онъ цалуеть, цалуеть,—точно родной сынъ его прїѣхаль къ нему на побывку.

(1856—1857 учебный годъ).

(1856 г. Сент. 15 и 16). „Въ воскресенье вечеромъ, уже послѣ молитвы я былъ у о. Инспектора, который опять взялъ на себя обязанность сочинять проповѣди, которая мы пишемъ, и онъ до 11 часовъ ночи протолковаль со мной о проповѣди, преодолая дремоту и усталость. Онъ далъ мнѣ текстъ изъ дневнаго апостола: *Богъ рекъ изъ тмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ къ просвѣщенію разума славы Божіа о лицѣ Иисусъ Христовъ* и указаль, какъ изъ этого текста написать проповѣдь о томъ, въ чемъ состоитъ истинное просвѣщеніе. И вотъ, эту недѣлю провелъ я за проповѣдью; вчера вечеромъ отнесъ и прочиталь ему свою проповѣдь, причемъ, какъ обыкновенно бываетъ, о. Теодоръ разъяснилъ мнѣ еще нѣсколько пояснѣе свои мысли, указаль—что именно я не понималь у него; впрочемъ, одобрилъ и долго послѣ того говорилъ, ходя по комнатѣ, такъ что отъ 8 часовъ я пробыль у него до половины столовой и ужиналь уже за вторымъ столомъ. О. Теодоръ велѣль мнѣ сдѣлать нѣкоторое прибавленіе; теперь и оно готово и я отнесу ему мою проповѣдь на исправленіе“.

„Ахъ! если бы Вы знали, какъ хороши нѣкоторые классы! такъ бы только слушаль и слушаль; на нихъ забываешь все и послѣ нихъ на нѣкоторое время становишься какъ будто инымъ человѣкомъ. Это во первыхъ, конечно, классъ о. Теодора; онъ не читаетъ намъ „Введеніе“ Преосв. Макарія; но,—вѣроятно, потому, что во Введеніи сначала идетъ опроверженіе безбожниковъ, и о. Теодоръ въ прошедшій классъ говорилъ, должно быть, противъ безбожія, свойственнаго настоящему вѣку,—именно противъ отсутствія религіознаго

¹⁾ Лице на всю недѣлю отвѣтственное за всѣхъ студентовъ академіи, а не за одинъ свой №, и являющееся къ начальству съ докладами и отвѣтами.

характера въ наукѣ, въ искусствѣ, въ правѣ и (это еще будетъ говорить) въ житейскомъ быту. Послѣ лекцій о. Θεодора, (и даже увлекательнѣе ихъ,—оттого что слова о. Θεодора проникнуты такой глубокой философiей, что чрезвычайно трудно слѣдить за нимъ мыслью),—послѣ о. Θεодора слѣдуетъ безспорно поставить классъ будущаго Баккалавра Церковной Русской Исторiи—Щапова, который только окончилъ курсъ. Первая вступительная лекцiя его была объ отношенiи народности къ церковности, вторая—о томъ, возможно ли и какое возможно развитiе въ Церкви и о прагматизмѣ въ Исторiи Русской Церкви. Просто, такъ и хочется аплодировать ему, когда онъ сойдетъ съ кафедры. Только жалко, что и о. Θεодора, и Щапова очень трудно слушать; о. Θεодоръ говоритъ чрезвычайно тихо, а Щаповъ безпрестанно забывается въ своемъ экстазѣ и читаетъ чрезвычайно скоро; а въ придачу онъ шепелявый и заика, хотя при чтенiи и не заикается“.

„Воскресенье послѣ обѣдни. Итакъ я нынѣ проповѣдывалъ слово Божiе. Проповѣдь свою получилъ передъ самой обѣдней; уже совершалась проскомидiя, а еще о. Θεодоръ читалъ ее и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились,—онъ—облачаться къ служенiю, а я—прочитать его поправки“.

(1856 г. 23/26 Сент.) „Неизлишнимъ считаю напомнить Вамъ, что я теперь лице должностное—Старшiй Чередной. Съ этой должностью въ моей жизни послѣдовали слѣдующiя измѣненiя: на молитвѣ стою я назади всѣхъ, особливо... да,—я не писалъ еще объ этомъ; у насъ нынѣ и по прочтенiи молитвъ, не скоро еще оканчивается наше домашнее богослуженiе: О. Θεодоръ вводилъ по-немного, — сначала на вечерней, а потомъ и на утренней молитвѣ разныя прибавленiя; такъ что теперь послѣ молитвы поемъ: Небесныхъ воинствъ Архистратизи.. Заступнице усердная... Догматикъ того гласа, который поется въ слѣдующее воскресенье, поутру—Взбранной Воеводѣ, а вечеромъ—Достойно есть и дневной тропарь, а нерѣдко, по особенной просьбѣ о. Инспектора, который нынѣ самъ ходитъ большею частiю на утреннюю молитву, поемъ еще ирмосы богородичныя: Отверзу уста моя. Я дивлюсь только,—и радуюсь,—одному: какъ всѣ эти нововведенiя не возбуждаютъ никакого ропота или неудовольствiя! Да, студенты очень любятъ о. Θεодора.... Послѣ ве-

черней столовой и молитвы, записавъ въ журналѣ, что все было благополучно и кто въ больницѣ, съ череднымъ по кухнѣ отправляюсь къ о. Инспектору; (при этомъ вчера онъ далъ намъ по яблочку. Онъ перѣдко это дѣлаетъ; если найдется у него яблоко въ карманѣ,—онъ и отдастъ его тому, кто придетъ подъ этотъ разъ“).

„О. Теодоръ опять каждый праздникъ назидаетъ насъ своими проповѣдями; и что за проповѣди! А его уроки,—что за уроки!“—(Разумѣются проповѣди, которыя на „каждый праздникъ“ назначались студентамъ, но въ которыхъ, какъ видно изъ того, что сказано выше о моей проповѣди,—студентамъ принадлежало только изложеніе мыслей о. Теодора). „Я началъ записывать послѣ класса то, что упомяну изъ его словъ; но—многое не поймешь, иное—только запомнишь, а иное и позабудешь. Только незнаю, станетъ ли времени и насколько станетъ моего бѣднаго терпѣнія—продолжать эти записки; а что, еслибы довести ихъ до конца! Теперь у меня лежатъ (въ рукописи) нѣкоторыя его сочиненія, неотносящіяся къ наукѣ собственно. Передъ праздникомъ Рождества Богородицы я просилъ было у него его „Писемъ о праздникахъ“, (которыя у него начинаются именно съ этого праздника); но, къ сожалѣнію, у него не было тогда этихъ писемъ; впрочемъ, онъ обѣщалъ,—когда они будутъ у него, дать ихъ мнѣ. (Я слышалъ о нихъ еще отъ старшихъ студентовъ—нашихъ предшественниковъ, которымъ о. Теодоръ читалъ ихъ въ классѣ). То особенно хорошо въ богословіи о. Теодора, что у него наука не сухая, безплодная мудрость, но проникнута и согрѣта нравственнымъ интересомъ; каждый трактатъ служить основаніемъ нравственнаго правила и его нравственный выводъ вовсе не похожъ на наклеенный бандероль, который,—правда,—говоритъ о томъ, на что наклеенъ, но не имѣетъ къ этому необходимаго, живаго отношенія“ (стр. 35/36)

(1856 г. Окт. 6). „Нынѣ у насъ Казанскій праздникъ,—обрѣтеніе мощей святителей Гурія и Варсонофія. Проповѣдь нынѣ была о томъ,—отчего огонь пожара коснулся нетлѣнныхъ останковъ Казанскихъ Святителей. Не могло этого случиться, (говоритъ о. Теодоръ въ проповѣди Аристова ¹⁾)

¹⁾ Аристовъ Ник. Як.—впослѣдствіи проф. Нѣжинскаго Лицея.

безъ особеннаго попушенія Божія, и невозможно,—съ другой стороны,—чтобы Господь восхотѣлъ отнять у святыхъ начатокъ ихъ небесной славы безъ особеннаго на то соизволенія самихъ Святителей. Но какъ въ будущей жизни развивается съ особенною силою то преимущественно направленіе, которое человѣкъ получилъ здѣсь на землѣ; то и у святит. Гурія и Варсонофія таже любовь къ Казанскому краю, которая здѣсь отличала ихъ,—та же любовь, безъ сомнѣнія, заставила ихъ принести въ жертву Правосудію Божию начатки своей славы, въ умилоствленіе Его гнѣва на грѣхи, за которые Казани слѣдовало понести наказаніе. Подражая любви Христовой, они умолили Господа, чтобы Онъ на нихъ отвратилъ часть наказанія, назначеннаго ихъ любимому краю по той же, конечно, любви, мощи великихъ защитниковъ православія, каковы напримѣръ Іоанна Златоуста, Аѳанасія Великаго, Николая Чудотворца раздѣляютъ на Западѣ плѣны христіанъ подъ игомъ мірскаго духа преобладанія, мертвящей буквы католичества; а съ другой стороны, служатъ несомнѣнными залогоми будущаго освобожденія Запада изъ подъ ига міра сего опять въ свободу истинныхъ чадъ Христовыхъ. Вотъ вамъ образчикъ проповѣдей о. Θεодора. Рѣдко бываетъ, что бы онѣ имѣли риторическую правильность плана; и очень часто онѣ такъ тѣсно приспособлены бываютъ къ мѣсту, времени и лицамъ, что къ другимъ мѣстамъ неприменимы; такова, напримѣръ, была прошедшая проповѣдь, 2-го числа, когда мы праздновали побѣду Православія надъ царствомъ магометанскимъ,—взятіе Казани. Проповѣдь была о томъ, какъ мы должны совершать побѣду надъ духовнымъ магометанствомъ, которое очень распространено между православными и къ которому, говоря по совѣсти,—я долженъ отнести себя. Говоря о различныхъ вѣроисповѣданіяхъ въ классѣ, о. Θεодоръ показывалъ духъ ихъ и силу cadaго, которые могутъ невидимо прирождаться и къ тѣмъ, которые исповѣдываютъ вѣру христіанскую и православную. „А вѣдь ужъ Господь - то“, прибавлялъ онъ, „будетъ судить въ силѣ и истинѣ,—не по наружности, а по духу; кто по душѣ то язычникъ, тотъ на судѣ-то Христовомъ и будетъ поставленъ съ язычниками,—кто іудей—съ іудеями,—если католикъ, протестантъ,—съ ними и осудится“. Прощедшая проповѣдь была обращена къ

тѣмъ, которые приготовляются обращать магометанъ въ православіе. Если бы я здѣсь въ академіи никого и ничего не слышалъ, кромѣ о. Ѣодора, и тогда я сталъ бы благодарить Господа, что Онъ привелъ меня на четыре года въ Казанскую Академію“.

(1856 г. Окт. 7 д.). „На Октябрь вчера о. Инспекторъ далъ уже предложенія. Предложенія нетрудны—потому, что составляютъ только повтореніе того, что онъ говорилъ въ своемъ Введеніи въ Богословіе,—это отрицательные доказательства Православія или опроверженіе прочихъ религій; именно: 1) О несостоятельности человѣческихъ, неутвержденныхъ на вѣрѣ во Христа Бога-Слова знаній. 2) О лживости новоіудейства, язычества и магометанства. 3) О лжи папства и новопреобразовательныхъ исповѣданій христіанства на Западѣ; и 4-е) О лживомъ духѣ русскихъ расколовъ. Какъ ни обширны кажутся каждое изъ этихъ предложеній, но если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія о. Ѣодора, если въ разсужденіи изложить то, что онъ говорилъ, чего, конечно,—онъ отъ насъ и требуетъ,—то каждое изъ нихъ выйдетъ не больше двухъ листовъ. Онъ опровергалъ духъ каждаго вѣрованія, не входя въ подробное разбирательство догматовъ. Теперь читаетъ онъ намъ,—уже читаетъ, а не говоритъ,—положительныя доказательства Православія, тоже весьма своеобразно; но—объ этомъ—послѣ,—когда выслушаемъ до конца. Эхъ! если бы время, время!.. списалъ бы, кажется, все, до послѣдней строки о. Ѣодора“.

(1856 г. 14/21 Окт.). „Сейчасъ только окончилъ сочиненіе о. Ѣодору. Что это, какъ легко писать, когда предметъ, не требуя кропотливой работы, хорошо уясненъ еще наставникомъ; въ какіе нибудь 8 дней я окончилъ все сочиненіе; оно выйдетъ у меня всего листа 4“.

„Въ среду 17 числа вечеромъ подтвердился слухъ о переводѣ нашего о. Ректора (вѣроятно въ Новгородъ ¹⁾) и о томъ, что къ намъ на его мѣсто будетъ посланъ Іоаннъ, бывшій Инспекторъ Петербургской Академіи, авторъ Курса Церковнаго Законовѣдѣнія. Но,—что всего прискорбнѣе,—и нашъ о. Ѣодоръ, вѣроятно, скоро оставитъ насъ; онъ уже

¹⁾ Т. е. на викаріатство Петербургской Митрополіи: викаріи Митрополита жили въ Новгородѣ и управляли имъ.

Не разъ выражалъ опять подобныя намѣренія. Да, это будетъ очень жалко! Три главныя начальства будутъ новыя; надобно будетъ приглядываться, привыкать къ новымъ требованіямъ,—во многомъ переучиваться, безъ сомнѣнія. Но все это были бы только еще житейскія непріятности, которыя имѣютъ и свою добрую сторону; а всего жалче будетъ,—опять повторю,—если намъ придется лишиться возможности слушать о. Θεодора. Какъ обширно можетъ быть вліяніе наставника въ Академіи! Теперь у насъ о. Григорій, преподавая Свящ. Писаніе, раскрываетъ для насъ и дѣлаетъ общепонятными идеи о. Θεодора. Несмотря на свой холодный, строго-разсудочный умъ, онъ принялъ синтетическій способъ воззрѣнія о. Θεодора и теперь этотъ взглядъ распространится на нѣсколько курсовъ. Теперешніе его слушатели, а будущіе преподаватели Свящ. Писанія разнесутъ его по семинаріямъ, на основаніи его преобразуются мало по-малу учебники, которые—какъ это мы здѣсь можемъ видѣть—всегда бывають сокращенными копіями съ записокъ, читаемыхъ въ Академіи. Между тѣмъ, я спрашивалъ о. Григорія, бывши у него въ среду, распространены ли были подобныя глубокіе взгляды на связь Завѣтовъ, на ходъ домостроительства и т. п. прежде, когда онъ самъ учился, когда слушалъ о. Серафима. И о. Григорій сказалъ, что прежде ничего подобнаго не было, что имъ читали одинъ сухой мелочной анализъ, недостаточность котораго онъ чувствовалъ самъ, желалъ восполнить этотъ недостатокъ связи и общаго взгляда, подводящаго все подъ единство и что для этого ему прекрасно послужили пособіемъ записки о. Θεодора. Впрочемъ, очевидно, что онъ самъ совершенно перерабатываетъ ихъ, дѣлаетъ гораздо осязательнѣе для пониманія и—надобно правду сказать,—трудится для своей науки очень добросовѣстно,—особенно, если сравнить, напримѣръ, съ о. Діодоромъ. Теперь я взялъ у о. Григорія, чтобы прочитать, а насколько станетъ усердія—и описать объясненіе о. Θεодора на первыя три главы кн. Бытія, содержащія въ себѣ исторію міротворенія, райской жизни и паденія челоуѣка. Въ этомъ началѣ Свящ. Писанія о. Θεодоръ находитъ зеркало всей послѣдующей судьбы Церкви; въ немъ, при помощи сведенія его съ Апокалипсисомъ, онъ показалъ судь надъ папствомъ и реформаціею. Въ какъ-то выражали мысль,

что подобный взглядъ можетъ довести до разномыслія съ Церковію; теперь я вижу, что взглядъ о. Теодора ни на шагъ не отступаетъ отъ ученія св. отцевъ, которыхъ онъ нерѣдко приводитъ и въ свидѣтельство. Особенно его взглядъ близокъ съ ученіемъ Макарія Египетскаго, котораго о. Теодоръ особенно рекомендовалъ читать студентамъ“.

(1856 г. Окт. 28/29). „Послѣ чаю, часовъ до 6, пока не угрожаетъ нашествіе Начальства ¹⁾, опять, какъ и поутру, вотъ уже въ продолженіе всей недѣли читаю толкованія о. Теодора на первыя три главы кн. Бытія. Но,—чтобы опять не увлечься въ отвлеченность, скажу только, что здѣсь о. Теодоръ, принявши сказаніе Моисея въ самомъ строгомъ, буквальный смыслѣ, доказываетъ или лучше объясняетъ его на основаніи настоящаго развитія естествознанія. При этомъ дивисься его обширнымъ познаніямъ въ физикѣ и космографіи, которыхъ никакъ бы не могъ предполагать въ немъ, судя по его разговорамъ; никогда онъ объ нихъ и не заикнется. Утвердивъ такимъ образомъ буквальный смыслъ сказанія Моисеева, онъ раскрываетъ потомъ его духовное значеніе. Но чрезвычайно трудно понимать его; почти каждую точку перечитываемъ раза по-два, по-три“.

(1856 г. Ноября 4, 7 и 8). „Лишь только я пришелъ отъ обѣдни, меня спросилъ къ себѣ о. Инспекторъ. Велѣлъ мнѣ спросить себѣ у Кирилла (это у него нынѣ и поваръ, и камердинеръ) чаю, сѣсть подлѣ него на диванъ и принялся разбирать со мной мое сочиненіе. Оказалось, что я, несмотря на то, что записалъ уже подлинныя слова о. Теодора,—оказалось, что я односторонне понялъ его мысль: я доказывалъ ложность папства и протестантскихъ исповѣданій изъ того, что они неудовлетворяютъ нашему духу; а о. Теодоръ, когда говорилъ намъ, такъ имѣлъ въ виду вообще ложность ихъ,—*объективную*, вслѣдствіе чего они уже и не удовлетворяютъ духу; я же раскрылъ только *субъективную* сторону; впрочемъ, несмотря на то, что мое сочиненіе односторонне отъ начала до конца, о. Теодоръ остался доволенъ имъ. Но такъ какъ у него наука и жизнь составляютъ одно; то онъ долго между прочимъ и вообще говорилъ мнѣ въ назиданіе о разныхъ предметахъ. Скажу только одно,—что

¹⁾ Обходъ Инспектора или помощника Инспектора.

въ его системѣ находятъ примиреніе и успокоеніе: всѣ вопросы, тревожащіе душу, обнимаются всѣ житейскія положенія и никогда не выйдешь отъ него безъ пользы“.

(8-е Ноября, Академическій праздникъ, вечеромъ)... „а я отправился съ записной книгой къ о. Инспектору. Онъ далъ мнѣ яблоко и пригласилъ меня присѣсть; поговорилъ о своихъ воспоминаніяхъ,—какъ въ нынѣшній день исполнилось 10 лѣтъ его службы; потомъ поговорилъ о Васѣ, о Преосвященномъ Іереміи. Пересказалъ между прочимъ слухъ, будто къ намъ въ Казань назначаютъ Аванасія Иркутскаго. Онъ былъ въ Твери ректоромъ, когда о. Θεодоръ переходилъ изъ училища въ семинарію и на экзаменѣ далъ еще ему красную бумажку. Говоря о Преосвящ. Іереміи, онъ привелъ меня къ себѣ въ спальную, чтобы показать мнѣ одинъ образъ—Свят. Арсенія Тверскаго, на которомъ святой, въ самомъ дѣлѣ, удивительно похожъ на нашего Владыку. Тутъ я видѣлъ, что у него передъ образами, на кивотѣ,—на пеленѣ или подушечкѣ лежитъ раскрытый Новый Завѣтъ; (какъ можно замѣтить, онъ безпрестанно читаетъ его)—и еще—одна проповѣдь, которую онъ не могъ пропустить и, вѣроятно, положилъ тутъ на судъ Божій. О. Θεодоръ жаловался мнѣ на одолѣвающее его уныніе, общался, если поѣдетъ когда нибудь черезъ Нижній, непременно побывать у Васѣ“.

„Вечеръ, (11 Ноября)—это былъ послѣдній день моего дежурства,—вечеръ я провелъ у о. Θεодора. Старшіе по воскресеньямъ ходятъ съ недѣльнымъ рапортомъ о благосостояніи номеровъ послѣ ужина; а старшій дежурный, который въ это время ужинаетъ, приходитъ съ журналами уже послѣ молитвы. Когда о. Θεодоръ подписалъ совсѣмъ журналы и уже отпустилъ было насъ съ череднымъ по кухнѣ,—вдругъ опять воротилъ меня, чтобы отдать одну книгу и потомъ пригласилъ—сѣсть поговорить. Съ 10 часовъ такимъ образомъ мы проговорили, т. е. я прослушалъ (потому что у о. Θεодора не бываетъ времени почти ротъ раскрыть студенту)—я прослушалъ до часу. Въ промежуткахъ, когда о. Θεодоръ задумывался, я переносился мыслью къ Вамъ и сравнивалъ царствовавшую вокругъ меня тишину съ той бѣготней и суетой, которая въ это время была у Васѣ ¹⁾. Когда сидишь

¹⁾ Это былъ день именинъ моего отца и „бѣготня, суетня“ предполагались мною по случаю пріема вечернихъ гостей.

у о. Теодора и онъ, какъ нерѣдко случается, минутъ съ 10 молчитъ,—нельзя бываетъ въ это время подать какую-нибудь новую мысль, чтобы—какъ говорится—поддержать разговоръ, потому что въ это время онъ, навѣрно, обдумываетъ прежнюю мысль и, послѣ продолжительнаго молчанія,— снова начинаетъ развивать ее съ какой-нибудь новой стороны“.

(1856 г. Ноября 22). „Нынѣ о. Инспекторъ въ 10 часу призываетъ меня и говоритъ мнѣ, что вчера вечеромъ онъ былъ у г-дъ Корсаковыхъ—одного старичка генерала, семейство котораго ѣздитъ въ нашу церковь и знакомо съ о. ректоромъ и о. инспекторомъ. Въ этомъ-то семействѣ о. Теодора вчера спрашиваютъ: кого бы изъ казанскихъ священниковъ порекомендоваль имъ пригласить для преподаванія закона Божія ихъ дѣтямъ? О. Теодоръ отвѣчалъ:—почему же именно священника? а не угодно ли Вамъ взять, напримѣръ, кого-нибудь изъ нашихъ студентовъ? И я сказалъ это, продолжалъ мнѣ о. Теодоръ, имѣя въ виду именно васъ. Если Вамъ будетъ угодно это, такъ я бы могъ представить Вамъ студента, за котораго могу поручиться и я, и о. ректоръ. Я общалъ имъ нынѣ же переговорить съ вами. Чтѣ вы на это скажете?—такъ заключилъ о. Инспекторъ. Я отвѣчалъ ему, что для меня очень страшно такое предложеніе, какъ потому, что я еще никогда не бралъ на себя роль преподавателя, такъ и потому особенно, что роль учителя въ такомъ аристократическомъ домѣ еще труднѣе. На второе затрудненіе о. Теодоръ отвѣчалъ мнѣ, что это семейство чрезвычайно доброе и простое и одобрялъ своимъ примѣромъ, говоря, что онъ не чувствуетъ въ ихъ домѣ никакого для себя стѣсненія. Наконецъ я спросилъ, нельзя ли мнѣ написать объ этомъ дѣлѣ домой.—Такъ что же?—отвѣчаетъ о. Теодоръ,—это хорошо; спросите. Едва ли я и самъ понимаю свое мнѣніе и свое желаніе; чтѣ Вы мнѣ напишете, тѣмъ я и успокоюсь. Новость положенія,—кондиція въ такомъ домѣ и въ такомъ семействѣ,—(въ самомъ дѣлѣ, семейство, кажется, очень доброе; хотя на отзывъ о. Теодора, конечно, много полагаться нечего; его младенческая душа вездѣ видитъ добро); эта необыкновенность положенія меня очень привлекаетъ. Самое преподаваніе (Катихизисъ и Свя-

щенная и Церковная Исторія, а ученики—Митенька ¹⁾—11 л. Вѣрочка—10 лѣтъ) еще не страшно бы; и времени,—положимъ, стало бы... О. Ѳеодору очень сильно хочется сдѣлать меня законоучителемъ въ домѣ Корсаковыхъ потому, что онъ надѣется, что я болѣе или менѣе буду назидать по его плану, въ его духѣ,—чего, конечно, не можетъ сдѣлать ни одинъ казанскій священникъ. (Отличительное качество его направленія,—чтобы все было основано на Христѣ, а не такъ, чтобы жизнь была сама по себѣ, а вѣра,—религіозная сторона—какъ нѣкоторая необходимая же, но отдѣльная область). О. Ѳеодоръ видитъ во мнѣ если не самаго понятливаго, то—по крайней мѣрѣ—самаго послушнаго ученика, и такъ какъ онъ смотритъ на всякое дѣло не просто, но какъ на дѣло Божіе; то ему и хотѣлось бы, чтобы я принялъ на себя долгъ „священнодѣйствовать благовѣствованіе“, какъ говоритъ онъ, заимствуя слова изъ священнаго Писанія. Теперь я, кажется, изложилъ все дѣло. Вашъ отвѣтъ, какой Вамъ Господь положитъ на сердце, послужитъ для меня несомнѣннымъ извѣщеніемъ, угодно ли Ему, чтобы я священнодѣйствовалъ благовѣствованіе или для этого нужно священное лице. Если Вы скажете „нѣтъ“, —приложите, пожалуйста, сколько возможно, и причины,—не только для меня, но и такія, которыя бы были дѣйствительны для о. Ѳеодора; потому что, напримѣръ, всѣ прописанныя мною и умолчанныя передъ нимъ причины были бы для него совершенно непонятны. Самые ограниченные изъ „сыновъ вѣка сего „мудрѣ“ сыновъ Царствія“, „обратившихся въ дѣтей и буихъ въ вѣцѣхъ семъ“. Я позабылъ написать Вамъ, что о. Ѳеодоръ ожидаетъ пользы отъ моего преподаванія сколько для учениковъ, столько же и для самаго учителя, которому, по его мнѣнію, настоящая должность послужитъ приготовительной школой для будущаго дѣйствованія.

(1856 г. 27 Нояб. 2 Дек.) „Ахъ, если бы привелъ меня Господь Богъ выслушать всю систему о. Ѳеодора! Что это за живое богословіе! Что, если бы всѣ науки преподавались у насъ съ такою же жизнію, какъ Догматическое Богословіе да Исторія Русской Церкви ²⁾. По Свящ. Писанію о. Григо-

¹⁾ Карсаковъ Д. А. профессоръ Русской Исторіи въ Казан. Универс.

²⁾ А. П. Щаповымъ.

ріи тоже читаетъ едва ли не цѣликомъ лекціи о. Феодора“.

(1856 г. Дек. 6/9 д.) „Послѣ всенощной Корсакова зашла къ о. Феодору и теперь, быть можетъ, идетъ рѣчь обо мнѣ. (Николинъ день. Пишу послѣ обѣдни). Вчера послѣ ужина о. Феодоръ призвалъ меня и сказалъ, что онъ передалъ Корсаковымъ—что нужно и потому нынѣ вечеромъ мы отправимся къ нимъ; но предварительно онъ велѣлъ сходить къ о. Ректору,—испросить его позволенія и благословенія. Потомъ долго говорилъ мнѣ о преподаваніи и, въ частности, о томъ мѣстѣ катихизиса, гдѣ говорится о различіи между знаніемъ и вѣрой. Онъ не можетъ надивиться, какъ это такъ М. Филаретъ написалъ это, тогда какъ самъ же онъ никогда не допускаетъ себя умствовать не по вѣрѣ. По мысли о. Феодора, для всякаго христіанина должно быть долгомъ, чтобы всякое знаніе было у него по вѣрѣ, такъ что, кажется, знаніе и вѣра должны быть совершенно одно и тоже. „Право, ужъ я и понять не могу“, говоритъ онъ, по обыкновенію съ усмѣшкой“, какъ это онъ,—мой батюшка,—допустилъ это; да вѣдь еще въ первомъ-то изданіи не было, такъ во второмъ-то прибавилъ“ ¹⁾. У него просидѣлъ я до 11 часовъ“.

(1856 г. Дек. 6). „Должно быть, Господу рѣшительно угодно, чтобы я занялся съ этими дѣтьми; сейчасъ получилъ послѣднее позволеніе отъ о. Ректора. Онъ сказалъ: „хорошо; доброе дѣло“. Вчера о. Феодоръ наказывалъ мнѣ, чтобы я не позабылъ, „когда буду просить позволеніе у о. Ректора, просить его у Отца“ (т. е. Небеснаго). По его образу мыслей, всякое послушаніе должно быть оказываемо не человѣку, но непосредственно Отцу Небесному, Который Самъ поставляетъ насъ въ то или другое положеніе и воля Котораго выражается во всякомъ приказаніи начальства, хотя бы иногда очевиднымъ казалось при этомъ дѣйствиіи вліяніе страстей и человѣческаго произвола. Дверью подите къ отцу то ректору, дверью; не перелѣзайте нигдѣ, никогда“. (Io. X. 17).

¹⁾ О. Феодоръ, повидимому, не зналъ, что это прибавленіе сдѣлано Митроп. Филаретомъ не по собственной инициативѣ, а по требованію Синода, исполнявшаго въ этомъ случаѣ волю Оберъ Прокурора Гр. Протасова.

„Еще; вчера разговоръ коснулся какъ то монашества и о. Инспекторъ, взглянувъ на меня, вдругъ спросилъ: „А что,—Лаврскій,—вы пойдете въ монахи?“—Нѣтъ, Ваше Высокопреподобіе, отвѣчалъ я, покачавъ отрицательно головой.—„Ахъ, батюшка,—не говорите такъ“, прервалъ онъ меня, схвативъ за руку; „говорите какъ Богъ устроитъ! Какъ намъ знать,—что будетъ? Можетъ быть, послѣ такое желаніе будетъ, что и удерживать будутъ, да все превозможетъ это желаніе. Нѣтъ, не говорите такъ“.

Потомъ онъ коснулся Филарета и сказалъ: „вотъ, это—идеалисты! Ахъ,—нѣтъ! впрочемъ; я ужъ много сказалъ!“ прибавилъ онъ. (А разговоръ, прежде предложеннаго мнѣ вопроса, былъ тотъ, что монашество не есть какой нибудь идеализмъ)“. Вотъ и въ проповѣдяхъ то его“, продолжалъ онъ, „какъ гдѣ созерцаніе выспреннее,—ну такъ такъ превосходно! а внизъ-то онъ ужъ и не спускается, или, если и спускается, такъ ужъ только разить!..

Это—оттого, что Истина то, постоянно пренебрегаемая нами, приняла судящее направленіе; такъ Она и проявляется въ служителейъ-то Своихъ“.

Должно замѣтить, что въ устахъ о. Теодора слово „идеалистъ“, „идеализмъ“ было словомъ не одобренія и похвалы, а—осужденія и порицанія; потому что идеализмъ онъ противопоставлялъ не матеріализму, а—реализму и называлъ идеализмомъ забвеніе и пренебреженіе дѣйствительно-существующаго или намѣренное его порицаніе—своего рода евтихіанство,—слѣдовательно, заблужденіе въ области вѣры и мысли и практической грѣхъ горделиваго презрѣнія къ воспринятой Господомъ насъ ради человѣческой тѣлесности.

(1856 Дек. 7). „Вечеромъ въ 6 часу я пришелъ къ о. Теодору, который уже ожидалъ меня. Отпустивъ своего Кирилла, онъ одинъ пилъ чай. Я выпросилъ для него у о. Эконома лошадь, потомъ налилъ себѣ и ему по стакану чая. Между тѣмъ, онъ взялъ со стола книгу пророчествъ Іезекіиля (въ русскомъ переводѣ) и почиталъ немного. Очень хорошо бываетъ слушать, когда онъ читаетъ; всякое слово получаетъ особый, новый смыслъ, который видимо—относится не къ одному древнему Израилю. Въ 6 часовъ мы отправились и скорѣ были у подѣзда; домъ не очень далеко отъ академіи. Когда мы вошли въ залу, все почти се-

мейство поднялось съ дивана на встрѣчу о. Инспектору. Я шелъ за нимъ, нѣсколько въ сторонѣ, на благородномъ разстояніи. О. Инспекторъ отрекомендовалъ меня; его усадили на диванъ, мнѣ предложили одинъ изъ стульевъ, стоявшихъ около переддиваннаго стола"... Часовъ въ 8 прѣѣхала гувернантка съ дѣтьми изъ гостей отъ какого-то маленькаго именинника... „Часовъ до 8 мы сидѣли всѣ вмѣстѣ вокругъ стола, кто—съ работой, кто—безъ работы; въ числѣ послѣднихъ была Софья Дм. ¹⁾, которой, какъ она призналась мнѣ, бывшій о. ректоръ нашъ—Парееній далъ заповѣдь—не работать по праздникамъ, а о. Теодоръ къ ней прибавилъ другую,—не злословить по праздничнымъ днямъ... Митенькѣ сказали, чтобы онъ показалъ мнѣ свою комнату и мы, въ сопровожденіи Нат. Ив.“ (гувернантки) „отправились наверхъ. Вскорѣ туда же пришли и другіе, кромѣ старичковъ“, (самого Корсакова и прѣѣзжихъ—брата его и тетушки) „и тутъ еще посидѣли до 9 часовъ“... „А между тѣмъ, пока мы были тамъ, о. Ректоръ присылалъ уже за мной, нетерпѣливо желая узнать о результатѣ нашей поѣздки.

На другой день въ 11 часовъ явился къ нему и передалъ все, о чемъ мы переговорили. Онъ далъ мнѣ нѣсколько общихъ наставленій и, въ заключеніе, прибавилъ: я увѣренъ, что вы, конечно, не станете преподавать тамъ никакихъ этакихъ фанатическихъ мыслей... апокалипсическихъ бредней“. Понятно, о чемъ это говорилось. Я отвѣчалъ: „Если я на что смотрю какъ на фанатическое, Ваше Высокопр., такъ ужъ того, конечно, не стану внушать другимъ“. Таковъ, оказывается, въ это время былъ взглядъ ректора академіи—Агаангела на о. Теодора,—взглядъ, который онъ не находилъ нужнымъ прятать и отъ студентовъ.

(1856 г. Дек. 21 д.) „О. Теодоръ надѣется, какъ видно, что я проведу его направленіе въ свѣжую еще, нетронутую душу моихъ учениковъ, такъ чтобы оно послужило началомъ ихъ будущей душевной жизни. Тогда какъ и люди съ академическимъ образованіемъ, съ суммой столькихъ понятій, едва могутъ найти въ ученомъ даже языкъ слова для передачи его идей другъ другу. Конечно, всего этого не

¹⁾ Только что описанная выше въ письмѣ мать учениковъ,—С. Д. Корсакова, родная сестра Конст. Дм. Кавелина.

было бы, если бы мы не понимали только, а—прочувствовали и прожили сами то, что хотимъ понять; тогда и сами поняли бы лучше, и другимъ съумѣли бы передать“.

„На прошедшей недѣлѣ мы были еще съ середины уволены отъ классовъ для приготовленія къ экзамену. О. Теодоръ, который не успѣлъ сказать намъ о всемъ, что мы должны были повторить къ экзамену, съ нашего согласія, хотѣлъ придти къ намъ въ первый номеръ и доказать неконченное, чтобы не дѣлать классовъ послѣ того, какъ мы получили увольненіе отъ нихъ. Разумѣется, мы изъявили свое согласіе, и въ четвергъ, въ 11 часовъ мы собрались въ первый номеръ и усѣлись—человѣкъ 15 на диванѣ ¹⁾, прочіе—на табуреткахъ. О. Инспекторъ толковалъ съ нами отъ половины 12-го до половины 2-го. Мнѣ не разъ на прошедшей и на этой недѣлѣ случалось просиживать у него по вечерамъ. Одинъ разъ,—въ среду,—наканунѣ перваго класса у Корсаковыхъ я просидѣлъ у него до 11 часовъ; черезъ день, въ пятницу онъ призвалъ меня послѣ ужина,—спросить,—былъ ли я у Корсаковыхъ и проговорилъ до часа; потомъ, какъ будто въ награду за бдѣніе, раздѣлилъ со мной оставшіеся у него два яблока. Въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ, когда я и чередной по кухнѣ пришли къ нему съ журналами, онъ разбиралъ сочиненіе этого череднаго и продержалъ насъ до 12 часовъ. Потомъ опять, частію—въ награду за стоянье, частію—чтобы утѣшить череднаго, обезкураженнаго разборомъ сочиненія, вынесъ намъ по яблоку, и по кисти винограда. Сколько мнѣ приводилось слышать, онъ вообще дѣлалъ не очень лестные отзывы о сочиненіяхъ нашихъ; но москвичу, который перешелъ въ академію нашу, говорятъ, сказалъ, что здѣсь пишутъ сочиненія лучше, чѣмъ въ Московской Академіи; тоже говорилъ онъ и въ прошедшій курсъ“. Москвичъ, о которомъ здѣсь поминается—Н. Ѳ. Глѣбовъ—рязанецъ.

(1856 г. Дек. 25/28 д.) „Вызванный Вашимъ письмомъ, я вздумалъ изложить Вамъ вкраткѣ все ученіе о. Теодора; только, если Вы встрѣтите въ чемъ нибудь сомнѣніе,—приписывайте это, пожалуйста, моему изложенію, а не самому

¹⁾ Это были 2 дивана, соединенные вмѣстѣ. съ общей стѣнкой, но безъ раздѣляющей ихъ боковой ручки.

о. Ѣеодору; долговременнымъ опытомъ научились мы, что, излагая его мысли, рѣдкій изъ насъ не впадетъ въ какую нибудь погрѣшность или ересь, которая ему безпрестанно приводится исправлять въ нашихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ. Иного я и самъ почти еще не понималъ, или—лучше,—понимаю только однимъ умомъ; тѣмъ болѣе не можете понять Вы въ *моемъ* изложеніи—многого. Но многое поймете и Вы, маменька, даже безъ привычки къ ученому языку; особенно утѣшительна,—и, быть можетъ, особенно для Васъ, маменька, которая такъ тяготится житейскими обстоятельствами,—будетъ утѣшительна та часть ученія о. Ѣеодора, что онъ не разрываетъ жизни духовной съ жизнію міра и свѣта, но въ самыхъ житейскихъ дѣлахъ указываетъ возможность постоянно быть на службѣ Божіей, какъ бы передъ Богомъ, такъ что принимать какого нибудь скучнаго гостя или припасать для другихъ—испить и покушать,—выходить одно и то же, что молиться или заниматься богомысліемъ. По его мысли, все, даже до послѣдняго приличія, до обыкновеннаго, безсмысленнаго вопроса о здоровьи, должно быть основано на Христѣ ¹⁾).

Я очень радъ, что письмо о моемъ здоровьи и леченіи привело Васъ къ преданности волѣ Божіей; это—лучшее и одно только постоянно—вѣрное средство противъ огорченій; дай-то Богъ намъ съ Вами привыкнуть къ постоянному пользованію этимъ лекарствомъ. Правда и то, что слова о. Ѣеодора часто служатъ для меня успокаивающимъ средствомъ; онъ, какъ искусный лекаръ, напоминаетъ и указываетъ въ леченіи; но немного могли бы Вы понять, если бы слушали его самого; надобно имѣть долговременную привычку къ его языку, чтобы понимать, что говоритъ онъ и мысленно дополнять пропуски въ его словахъ, которыхъ онъ самъ не замѣчаетъ“.

„Послѣ всенощной“ (на 3-й день Рождества Христова) „спросилъ меня къ себѣ о. Инспекторъ, чтобы я растолковалъ его Кириллу—гдѣ живутъ Корсаковы. Онъ спросилъ, былъ ли я у Корсаковыхъ на праздникъ и, узнавъ, что я не былъ, присовѣтывалъ непременно сходить на другой

¹⁾ Изложеніе ученія о. Ѣеодора, должно быть, составляло приложеніе къ письму и не сохранилось.

день по утру; а вечеромъ,—само собой—обѣщался быть у нихъ со мной въ другое время. О. Инспекторъ оставилъ меня и на время ужина, сказавъ, что я хоть такъ посижу, если не буду ужинать“ (мнѣ запрещено было врачомъ и ужинать и пить вечерній чай), „а потомъ было замѣтилъ, что—вѣроятно—одинъ разъ можно нарушить правило, но я отказался отъ ужина, а изъявилъ желаніе съѣсть только кусокъ пирога. Такимъ образомъ мы поужинали вмѣстѣ; послѣ ужина о. Инспекторъ велѣлъ подать тарелку винограда, хотя самъ его почти вовсе не кушалъ, потому что, какъ говорилъ онъ, на дняхъ, почувствовалъ отъ него какъ будто лихорадочные припадки. Отъ о. Инспектора я воротился почти въ 11 часовъ“.

„Въ свободные часы занимаюсь переводомъ съ славянскаго, о. Инспекторъ далъ на святки студентамъ, чтобы желающіе перевели на русскій языкъ съ славянскаго рукописное сказаніе о чудотворной иконѣ Божіей Матери, которую къ намъ приносятъ изъ Семиозерной пустыни. Все сказаніе 23 листа. О. Теодоръ намѣренъ издать нашъ переводъ особой книжкой въ пользу пустыни, чтобы это было въ родѣ пожертвованія со стороны студентовъ нашей академіи“.

(1856 г. Дек. 28—1857 г. Янв. 4). „Въ пятницу поутру мы встали въ 9 часовъ, и то нѣкоторые пришли на молитву въ шинеляхъ; такъ мы начали собственно вакацію,—дни безъ ученія и безъ службы. Напившись чаю, я пошелъ явиться къ о. Инспектору, потому что наканунѣ ни разу не могъ застать его, чтобы, по его приказанію, явиться ему по возвращеніи отъ Корсаковыхъ. До 10 часовъ онъ еще молился; а между тѣмъ, кромѣ меня съ дежурнымъ К., его уже ожидалъ въ прихожей какой-то маленькій имянинникъ съ приношеніемъ булочныхъ хлѣбцевъ, конечно, небезкорыстнымъ. О. Инспекторъ оставилъ насъ попить съ нимъ чаю. При насъ пріѣзжалъ къ нему съ визитомъ одинъ изъ соборныхъ священниковъ; безпрестанно приходили и другія лица, по минутно отвлекавшіе о. Инспектора, пока не пришелъ съ визитомъ о. Ректоръ и уволилъ насъ своимъ приходомъ“.

(31 Дек.). „Нынѣ о. Инспекторъ вздумалъ сдѣлать у насъ праздникъ; вчера далъ регенту 3 цѣлковыхъ денегъ, чтобы онъ купилъ лакомствъ и обѣщался придти къ намъ поутру, часовъ въ 10,—слушать пѣвчихъ и музыку. Въ 1-й номеръ

перенесли гусли, пѣвчіе устѣлись вокругъ одного стола, слушатели, которыхъ тоже набралось немало,—на другомъ диванѣ; пришелъ о. Инспекторъ и у насъ составилъ инструментальный и вокальный концертъ: то пѣли, то играли разныя пьесы,—разумѣется духовнаго содержанія, а въ заключеніе пропѣли съ акомпаниментомъ гуслей Боже Царя храни! Концертъ продолжился до половины 12-го. Я думалъ, что тутъ надобно будетъ присутствовать всѣмъ; а послѣ увидаль, что напрасно не ушелъ къ обѣдни въ Воскресенскую церковь, гдѣ обѣдня должна была начаться часовъ въ 10. Незнаю, что со мной въ нынѣшнюю вакацію; самому себя стыдно: вотъ уже прошло сколько времени, а я еще нигдѣ не бывалъ въ городѣ у обѣдни: отчасти въ этомъ виновато ослабленіе дисциплины, по милости котораго мы встаемъ въ тѣ дни, когда у насъ не бываетъ службы, все около 9 часовъ“.

(1857 г. Янв. 4). „Вчера вечеромъ уже почти въ 9 часовъ мы“ (я и о. Ректоръ отъ Корсаковыхъ) „отправились; сначала о. Ректоръ отѣзжалъ въ соборный домъ“ (гдѣ въ чьей-то свободной квартирѣ онъ временно жилъ тогда, все ища себѣ убѣжища отъ сухости воздуха въ академической квартирѣ, вслѣдствіе амосовскаго отопленія)—„сначала о. Ректоръ отѣхалъ въ соборный домъ,—и я съ нимъ; потомъ изъ соборнаго дома въ академію, на ректорской парѣ, въ ректорской повозкѣ отправился боченокъ о. ректора за водой,—и я съ нимъ“; (академическій воздухъ былъ вреденъ, академическій же, колодезь славился своей вкусной и здоровой водой) „я сидѣлъ, а онъ стоялъ по длѣ меня, и—очень смирно. Но когда мы съ боченкомъ изъ соборнаго дома прибыли въ академію, было уже половина 10-го и у насъ отходила молитва. Я явился къ о. Инспектору; онъ принялъ меня съ улыбкой, какъ будто я возвратился въ свое время и пришелъ съ молитвы; что было бы, подумалъ я, если бы это случилось при о. Серафимѣ! да при немъ этого и не случилось бы; при немъ я ушелъ бы поскорѣе пѣшкомъ, и не сталъ бы ждать,—когда о. Ректоръ вспомнитъ, что мнѣ пора домой. Меня просили непременно прѣзжать опять, когда будетъ у нихъ о. Теодоръ; а если онъ прѣдетъ съ о. Григоріемъ, то приходитъ хотя пѣшкомъ“.

„Чтобы показать, какъ различно было отношеніе общества

къ великолѣпному и важному ректору академіи Агахангелу и къ смиренному маленькому монашку о. Теодору, приведу изъ этого же письма выдержку о посѣщеніи о. Ректоромъ семейства Корсаковской гувернантки,—ея матери и сестеръ, помѣщавшихся въ антресоляхъ Корсаковской же квартиры. „Вскорѣ туда пришелъ и о. Ректоръ. Антонина,—что ни сидѣлъ онъ у нихъ,—не переставала мистифицировать его, навязывая себѣ различные недостатки и пороки, противъ которыхъ о. Ректоръ съ самымъ важнымъ видомъ читалъ ей наставленія, а она выслушивала ихъ съ лукаво-смиреннѣйшимъ видомъ, а иногда, когда о. Ректоръ подтверждалъ ей: „помните же это! слушайте же! не забывайте!“ она, пригнувъ головку на сторону, приговаривала: „запишу... непременно запишу... право! запишу!.. не забуду!“ Удивительно только, одно: какъ о. Ректоръ могъ не понимать, что надъ нимъ шутятъ, когда на примѣръ Антонина“ (она была младшая изъ сестеръ) „жаловалась ему, что старшія сестры ея не уважаютъ и прочее тому подобное. Между тѣмъ, не подумайте, чтобы надъ о. Ректоромъ смѣялись; нѣтъ, его любятъ и уважаютъ отъ всей души; одна изъ сестеръ даже—его духовная дочь“.

Ну, „шутить надъ“ кѣмъ или смѣяться надъ кѣмъ, это уже слишкомъ тонкое различіе! Еще черезъ нѣсколько страницъ,—въ томъ же письмѣ: „Наталья Ив.“ (гувернантка) „одинъ разъ сказала, что она о. Инспектора любитъ еще больше, чѣмъ о. Ректора; въ разговоръ какъ то вмѣшались дѣти и Софья Дмитріевна замѣтила имъ, что любить надобно всѣхъ равно“. Этотъ случай я сообщалъ въ письмѣ какъ примѣръ фразерства, шокировавшаго меня тогда въ этой семьѣ.

(1857 г. Января 12 и 13). „Во вторникъ у насъ начались классы; но, по московскому обычаю, довольно лѣнливо; только о. Веніаминъ, по неизмѣнной своей пунктуальности, продержалъ насъ свои полтора часа; а о. Инспекторъ только позддравилъ съ новымъ годомъ. Въ Московской Академіи есть обычай, что первые классы дѣлаютъ каждый наставникъ не долѣе получаса; отсюда этотъ обычай перешелъ и къ намъ“.

„О. Теодоръ въ субботу началъ намъ читать о твореніи,—свои записки на первую главу кн. Бытія, которыя я бралъ

у о. Григорія. Что-то Вы напишите мнѣ о моемъ изложеніи его мыслей. Какой-то камергеръ Лукошкинъ просилъ дозволенія слушать его лекціи; кажется, это дѣло оставили до усмотрѣнія Преосвященнаго ¹⁾). Расположеніе о. Ректора къ о. Инспектору, кажется, довольно сильно измѣнилось; можетъ быть,—по поводу одного догматическаго вопроса на прошедшемъ экзаменѣ, въ рѣшеніи котораго о. Ректоръ зашелъ противъ св. отцевъ и даже противъ нашего учебника, а можетъ быть, и—еще вѣроятнѣе,—по слѣдующему случаю! О. Ректоръ выпросилъ у о. Феодора его толкованіе на Апкалиписисъ для прочтенія и потомъ далъ,—на-скоро, подъ строжайшей тайной,—списать, причемъ платилъ чрезвычайно дорого за каждый листъ; однако о. Инспекторъ какъ-то узналъ это и—второй половины своихъ записокъ уже не далъ даже и для прочтенія“.

(1857 Янв. 20/24). „Возвратясь домой, я передалъ о. Инспектору просьбу Корсаковыхъ „(найти изъ студентовъ еще законоучителя для дѣтей одного семейства изъ круга знакомыхъ Корсаковскихъ) ²⁾), „онъ сказалъ; надо Павлова ³⁾). Но вскорѣ онъ это оставилъ и занялся своимъ отчетомъ о Симбирской семинаріи, (еще по ревизіи). Высказывалъ мнѣ свое горе,—что ему хотѣлось бы въ отчетѣ изложить подробнѣе то, что онъ замѣтилъ хорошаго въ Симбирской семинаріи и—чего онъ особенно желалъ бы отъ нея, а о. Ректоръ требуетъ, чтобы отчетъ былъ изложенъ въ болѣе общихъ чертахъ. Онъ прочиталъ и мнѣ часть своего отчета: дѣло шло, конечно, изъ за учебной части: о. Инспекторъ хотѣлъ выставить на видъ, что въ Симбирской семинаріи, по его замѣчанію, и свѣтскія науки стараются утвердить на началѣ Христовомъ... Но,—это дѣло—сторона! Не совсѣмъ благосклонное расположеніе о. Ректора къ о. Инспектору, быть можетъ, еще болѣе усилено припиской Прокурора ⁴⁾), который, въ отвѣтъ на адресъ, посланный къ нему отъ лица Казанской Академіи, въ концѣ письма своего упомянулъ, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаетъ

¹⁾ Преосвящ. Аванасія, пріѣздъ котораго тогда ожидался.

²⁾ Могилатовыхъ.

³⁾ А. С. Павловъ—послѣ извѣстный канонистъ,—профессоръ Московскаго университета.

⁴⁾ Оберъ-Прокурора Свят. Синода Александра Петр. Толстого.

о назидательной бесѣдѣ о. Θεодора. Говорятъ, въ Москвѣ въ домѣ этого самаго Гр. Толстого провелъ послѣдніе дни свои Гоголь; здѣсь то, вѣроятно, и былъ случай сойтись Толстому и о. Θεодору. Отъ 7 часовъ я просидѣлъ у о. Инспектора до 9-ти“.

(1857 г. Янв. 30—3 Февр.). „Въ воскресенье, когда Павловъ, заключая условіе съ Могилатовыми, явился къ о. Инспектору съ извѣстіемъ, о. Инспекторъ предложилъ ему на выборъ портреты Государя и Государыни, которые были приложены при календарѣ; Павловъ выбралъ себѣ портретъ Государыни; а Государя Императора о. Инспекторъ поручилъ ему подарить мнѣ. Я очень радъ былъ, что мнѣ достался портретъ Государя Императора. Этакій, право, добрый о. Θεодоръ“!

„Говорятъ, о. Ректоръ представилъ о. Инспектора къ ордену „за великое нравственное вліяніе на воспитанниковъ Академіи. Это символъ примиренія. А о. Θεодоръ представляетъ къ ордену о. Серафима“.

„О. Θεодоръ рассказывалъ, какъ встрѣчали Преосвященнаго: Викторъ Петр. ¹⁾ говорилъ ему рѣчь, въ которой напомнилъ, какъ нѣкогда—послѣ того, какъ восхищенъ былъ Ілія,—сыны пророческіе встрѣтили Елисея и поклонились ему до земли; такъ и мы, Владыко, продолжалъ онъ, если и не повергаемся предъ Тобою на землю, то повергаемъ предъ Тобою наши... и пр., и пр.; Преосвященный тоже отвѣчалъ рѣчью: отцы святые,—говорилъ онъ, представитель вашъ напомнилъ намъ, какъ сыны пророческіе, встрѣтивъ Елисея, привѣтствовали его поклоненіемъ; такъ и мы сдѣлали—и поклонился своей паствѣ въ землю. Потомъ поучилъ ихъ еще необходимости смиренія и заключилъ увѣщаніемъ, —*да любимъ другъ друга*. Видно было, что онъ говорилъ отъ сердца.

Опишу Вамъ гощеніе нашего Преосвященнаго въ Казани, потому что онъ промелькнулъ у насъ не больше, какъ гостемъ. Я уже писалъ вамъ, какъ онъ, въ первый же день по пріѣздѣ, далъ своей паствѣ урокъ смиренія. Только о. Инспекторъ, который передалъ мнѣ этотъ рассказъ, смягчилъ его,—вѣроятно,—чтобы не ввести слушателей въ осу-

¹⁾ В. П. Вишневскій—Каѳедра́льный Протоіерей.

жденіе; Преосвященный прямо сказалъ: вы мнѣ не кланяетесь; такъ я вамъ поклонюсь и потомъ продолжалъ рѣчь „о смиреніи“, это было на открытой паперти собора. Рѣчь Викт. П. съ отвѣтомъ Преосвященнаго надѣлала, конечно, много шума въ городѣ; а Викт. Петр. хочеть еще ее отпечатать въ Казанскихъ Вѣдомостяхъ ¹⁾. Такъ и Преосв. Аванасій и о. Оеодоръ и не думали смотрѣть на этотъ „обмѣнъ рѣчами какъ на случай маленькаго скандала,—какъ на выраженіе желанія со стороны Преосвящ., чтобы духовенство, являлось къ нему, по старинѣ, простиралось предъ нимъ. О. Оеодоръ отнесся къ этому совершенно просто и серьезно, не какъ къ тенденціозному „уроку смиренія“, а какъ искреннему выраженію Архипастырскаго смиренія. Онъ зналъ Преосв. Аванасія еще по службѣ его въ Тверской семинаріи,—въ должности ректора. Послѣ и Казанская паства имѣла время убѣдиться, что Преосв. Аванасій былъ чловѣкъ крайне простой и совершенно неспособный руководиться въ своихъ поступкахъ какими нибудь задними мыслями.

Теперь уже не помню,—въ этотъ ли свой проѣздъ черезъ Казань на пути изъ Иркутска въ Петербургъ, или,—что вѣроятно,—по возвращеніи уже изъ Петербурга, Преосвящ. Аванасій посѣтилъ Академію и обошелъ квартиры начальствующихъ въ ней; не понимаю, какъ могло случиться, что такое событіе въ нашей академической жизни не помянуто въ моихъ письмахъ. Быть можетъ, это было передъ самымъ отпускомъ на каникулы и потому не попало въ письма. Преосвященный Аванасій, несмотря на свою массивность и грузность, былъ очень быстръ во всѣхъ своихъ словахъ, пріемахъ и движеніяхъ. Такъ и, дѣлая, такъ сказать, визиты начальникамъ академіи, онъ пробѣжалъ по ихъ покоямъ. По крайней мѣрѣ у о. Инспектора онъ даже и не присаживался. Изъ передней вступилъ въ небольшое зальце, изъ котораго дальше прямо противъ входной двери была дверь въ кабинетъ; а отъ кабинета перегородкой не до-верху влѣво была отгорожена полутемная спальная. Если прибавить, что отъ передней отгорожена была небольшая узкая столовая

¹⁾ Губернскихъ, вѣроятно,—потому что другихъ періодическихъ изданій тогда въ Казани еще не было.

тоже перегородкой не до потолка, чтобы нѣсколько освѣтить переднюю, получавшую свѣтъ только чрезъ двери изъ зала и изъ столовой; то вотъ и вся монашеская квартира инспектора академіи. Преосвященный Аѳанасій шагнулъ изъ залы въ кабинетъ, заглянулъ и въ-лѣво,—въ полутемную спальную. Въ ней оказалось только у правой стѣны низенькая желѣзная кровать, на которой переживалъ о. Теодоръ періоды моральной протраціи силъ духа подъ давленіемъ какихъ-либо огорченій, а у стѣны прямо противъ двери кивотъ съ образами, горящая предъ образами лампадка и евангеліе, лежащее на нижней половинѣ кивота. Окинувъ все это своимъ орлинымъ взглядомъ, Преосвященный Аѳанасій сказалъ: „библіотека у тебя хорошая! славная библіотека!“ Его, какъ видно, поразило это полное отсутствіе у академическаго профессора и фоліантовъ, въ пергаментныхъ переплетахъ, и современныхъ нѣмецкихъ богослововъ; и своимъ восклицаніемъ онъ хотѣлъ выразить полное свое сочувствіе методѣ профессора готовиться къ лекціямъ не многочтеніемъ, а молитвою и размышленіемъ.

(1856 г., *Февр.* 14/19). „О. Инспекторъ въ среду послѣ обѣда“, (это было на масленицѣ) „уѣхалъ въ деревню къ помѣщику Леонтьеву, съ двумя его племянниками,—студентами Университета и пробудетъ тамъ до Субботы. Должность инспектора исправляетъ теперь о. Діодоръ и—надобно правду сказать—довольно снисходительно,—за большимъ не гонится: были бы только къ ужину всѣ на лицо. Потомъ у насъ обѣдъ бываетъ только на двухъ столахъ, вмѣсто четырехъ; студенты—кто въ городѣ на блинахъ у знакомыхъ, кто въ театрѣ, на утреннихъ спектакляхъ“ (стр. 201).

(1856 г. *Февр.*, 23/27). „Вечеръ среды“ (на первой недѣлѣ Великаго Поста) „я провелъ у о. Инспектора. Я пришелъ было къ нему просить позволенія избрать особаго духовника, который бы могъ быть не только свидѣтелемъ моего исповѣданія, но и моимъ руководителемъ въ духовной жизни. О. Теодоръ посмотрѣлъ на меня и потомъ сказалъ: Батюшка! не пренебрегайте Господомъ-то! Обнявъ меня, онъ сталъ ходить со мной по комнатѣ и—не отказывая прямо въ моей просьбѣ—показалъ мнѣ сначала, что она неразумна, а потомъ довелъ и до того, что я самъ увидѣлъ, что именно было въ ней оскорбительнаго для Господа. „А кого бы вы думали себѣ.

избрать?—спросилъ онъ потомъ меня; я отвѣчалъ, что хотѣлъ было просить о. Василия Лаврова принять на себя обязанность быть моимъ духовнымъ отцомъ. (Я не знакомъ самъ съ этимъ священникомъ, но знаю его и слышалъ о немъ довольно отъ разныхъ лицъ; онъ здѣсь законоучителемъ при первой гимназіи, хотя и не былъ въ академіи). Наконецъ о. Теодоръ показалъ мнѣ опасность, какой я могъ подвергнуться чрезъ собственный выборъ духовника, и послѣ того уже сказалъ: „какъ хотите; если угодно, такъ я позволяю“.—„Нѣтъ, В. В.,“ отвѣчалъ я, „теперь я уже не имѣю никакого и желанія“. (Эта опасность, о которой предупреждалъ меня о. Теодоръ, я помню, выражена была имъ въ такихъ словахъ: „а что какъ избранный-то вами духовникъ поведетъ васъ отъ Господа-то Иисуса Христа къ Іоанну Крестителю“?) И затѣмъ я продолжалъ въ письмѣ своемъ: „Что это за сила убѣжденія въ словахъ этого человѣка! слово его *живо и дѣйственно*; великая милость Божія, что я попалъ подъ его руководство; я именно смотрю на него какъ на своего авву, который умѣетъ разъяснить всѣ „помыслы“, который иногда разоблачить для тебя такія сокровенныя тайны твоей души, которыхъ ты и не подозрѣвалъ въ себѣ. Бесѣда объ исповѣди продолжалась, должно быть, около полутора часа. Въ это же время о. Теодоръ высказалъ нѣсколько замѣчаній своихъ на Великій Канонъ. Чтò особенно поразительно и привлекательно въ его ученіи, такъ это—то, что у него получаютъ полную силу,—буквальное значеніе такіе предметы, которые мы привыкли считать только аллегорією, примѣненіемъ, объясненіемъ только для успокоенія ума. *Его ученіе,—его ученіе*, скажете вы; это подозрительно! что за новое ученіе? *еще мы или ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ нче...* Нѣтъ, не новое ученіе; я говорю—его,—только потому, что отъ него только намъ удастся слышать его; это—ученіе самое древнее, только нынѣ,—нынѣшними учителями почти вовсе забытое; а у святыхъ отцовъ находить его въ полной силѣ; когда читаешь Макарія Египетскаго, Ефрема Сирина и другихъ отцовъ, писавшихъ „о совершенномъ христіанствѣ“,—творенія аскетическаго содержания, то у нихъ находимъ все то, что слышалъ я у о. Теодора и—безъ его уроковъ—ни за что не понялъ бы этихъ твореній. Еще на первомъ же году мнѣ привелось прочи-

тать (для разсужденія) книгу Св. Максима Исповѣдника „О любви“; помню, тогда же меня поразила мысль: какъ такъ нынѣ не учать ничему подобному? то ли ужъ нынѣ христіанство? а необходимо было принять одно изъ двухъ: или признать св. отца мечтателемъ, или признать, что намъ многого не говорятъ изъ того, чему учили св. отцы. Разность между твореніями отцевъ аскетовъ и взглядомъ о. Ѳеодора—та, что у св. отцовъ всѣ эти мысли принаровлены исключительно къ монахамъ, оставившимъ все земное, а о. Ѳеодоръ указываетъ, какъ—и не оставляя житейскихъ отношеній—можно жить христіаниномъ истиннымъ. Но—все это для васъ общіе отзѣвы, которые не могутъ быть понятны, и потому,—не могутъ быть занимательны; виновать!—позабылся. Послѣ того о. Ѳеодоръ поговорилъ со мною о разныхъ другихъ предметахъ и я оставилъ его уже когда было 20 минутъ 12-го“.

„Первыя слова, которыми встрѣтилъ меня духовникъ, были: „а я ужъ думалъ, что вы не придете ко мнѣ,—что вы окончили курсъ“. (Онъ могъ подумать, что меня уже нѣтъ въ академіи,—потому, что исповѣдываться мнѣ пришлось почти послѣ всѣхъ). „Эти слова были прямымъ отвѣтомъ на главную мысль мою,—что, вѣроятно, отецъ мой духовный не могъ меня даже и упомянуть между множествомъ своихъ духовныхъ дѣтей, которые,—къ тому же,—вѣроятно, всѣ такъ похожи одинъ на другаго. „Такъ Вы, батюшка, не забыли меня?“—спросилъ я. „Какъ же,—какъ забыть! вотъ только имя-то позабылъ,—мудреное такое“. Въ этихъ словахъ, — и притомъ въ такое время—я не могъ не видѣть прямого отвѣта на мое сомнѣніе и мою предшествовавшую просьбу“.

„Когда я въ воскресенье, пришедши отъ вечерни, поднимался вверхъ съ моимъ чайнымъ ковчежцемъ изъ столовой, въ корридорѣ средняго этажа меня встрѣтилъ и остановилъ о. Инспекторъ; онъ внимательно и въ различныхъ, измѣняемыхъ выраженіяхъ, спрашивалъ меня, не ощутилъ ли я послѣ исповѣди хоть какого нибудь лишенія или недовольства,—тѣмъ т. е. что не сдѣлалось такъ, какъ мнѣ хотѣлось касательно избранія духовника. Я отвѣчалъ, что мнѣ послѣ того не приходило уже и мысли подобной. „Ну, — слава Богу!“—сказалъ онъ послѣ долгихъ и настоятельныхъ расспросовъ, оразнообразивая свои слова; „а мнѣ нынѣ за

обѣдной пришла эта мысль, что вѣдь надобно опасаться, чтобы не дать мѣста духовному своевольству, да также—чтобы и не сдѣлать духовнаго насилія; вѣдь и у души-то тоже есть своего рода духовные инстинкты, подобно тому, какъ у тѣлеснаго организма бываютъ иногда свои требованія“... Я разсказалъ ему слова, которыми встрѣтилъ меня духовникъ. „Вотъ, вотъ, батюшка! Это вамъ *Кто* сказалъ?... Еще и не это услышите, какъ станете прислушиваться-то; такіе будутъ случаи, что какъ будто за руку возьметъ васъ Господь, да и поведетъ“.

(1857 г. *Марта 3/10*). „Теперь, въ Мартѣ мѣсяцѣ будемъ писать о. Инспектору,—сначала думали, что просто проповѣди; потомъ узнали, что это будетъ, кажется, рядъ поученій о таинствахъ. О. Инспекторъ, по прежнему, будетъ призывать студентовъ къ себѣ и разяснять имъ темы; если это выйдетъ хорошо,—сочиненія будутъ отпечатаны въ Православномъ Собесѣдникѣ“ (стр. 224). „Въ понедѣльникъ о. Инспекторъ позвалъ къ себѣ Павлова, Соколова, Орлова и меня, чтобы дать намъ темы для четырехъ вступительныхъ поученій о таинствахъ. Павловъ напишетъ вообще о необходимости и пользѣ подобнаго изслѣдованія, Соколовъ—о внутренней силѣ таинствъ, я—объ образѣ совершенія ихъ, Орловъ—о томъ, какъ возгрѣвать благодать, принимаемую въ таинствахъ. Потомъ о. Инспекторъ будетъ приглашать и другихъ студентовъ по три человѣка; каждое таинство будетъ рассмотрѣно въ частности съ тѣхъ же трехъ сторонъ. Ахъ, если бы всѣ написали старательно и удачно!—какой бы изъ этого вышелъ прекрасный рядъ поученій! Съ нами о. Инспекторъ толковалъ часа два,—отъ 7 до 9 часовъ, и теперь стѣбитъ только каждому записать то, что говорено,—выйдетъ большое поученіе; но—записать не легко! иное очень трудно понимается. О. Инспекторъ просилъ насъ также переписать ему тѣ проповѣди, которыя мы писали подъ его руководствомъ, но изъ нихъ,—къ сожалѣнію,—многихъ уже не оказалось; часть—оставили ихъ дома, у нѣкоторыхъ (какъ и у меня въ томъ числѣ одна проповѣдь) пропали изъ среды другихъ бумагъ, между которыми лежали. Получивъ позволеніе о. Инспектора, я воскресилъ мою проповѣдь по черновой, къ счастью сохранившейся у меня“.

(1857 г. *Марта 20*) „Въ понедѣльникъ вечеромъ о Ректоръ

получилъ бумагу о своемъ переводѣ... О. Инспекторъ на время вступилъ въ должность о. Ректора, а И. д. Инспектора сдѣланъ о. Веніаминъ и съ завтрашняго дня начнется опять царство терроризма, ригоризма и формализма, которые, впрочемъ, намъ уже нынѣ нисколько не страшны въ лицѣ о. Веніамина. Нынѣ о. Ректору давали обѣдъ у о. Инспектора,—вѣроятно только монашествующіе, потому что приборовъ было немного.

„Вотъ и окончилось стоянье; продолжалась вся служба только два часа, оттого что о. Θεодоръ, который самъ читалъ канонъ,—хотя ничего не пропускалъ, за то—для нашей немоции—соединялъ нѣсколько тропарей подъ одинъ припѣвъ, такъ что на каждой пѣсни пѣли: „Помилуй мя, Боже, помилуй мя!—всего раза по два, по три, много—по четыре“.

„Опишу Вамъ, какъ мы провожали о. Ректора: подняли насъ, по обѣщанію, въ 4 часа и мы тутъ же сдѣлали молитву; но оказалось, что лошади были неготовы и мы прождали часовъ до 6-ти, въ это время собрались въ церковь, стали служить молебень въ путь шествующимъ. Затѣмъ начался обрядъ прощанія, послѣ краткой наставительной рѣчи, сказанной о. Ректоромъ. Сперва они съ о. Инспекторомъ поклонились другъ другу въ ноги, и крѣпко обнялись, съ большимъ чувствомъ; потомъ тоже прочіе монашествующіе, потомъ—все студенты. Послѣ прощанья, мы только успѣли накинуть шинели и выйти на крыльце,—о. Ректоръ уже садился въ повозку. Съ нимъ поѣхали о. Веніаминъ и о. Діодоръ, а о. Θεодоръ поѣхалъ служить въ Университетъ,—хоронить студента,—Модеста Стан. Нагловскаго, гдѣ говорилъ надъ гробомъ его слово“.

„Софья Дм. поручила мнѣ передать о. Инспектору просьбу Молоствовоѣ, жены Попечителя ¹⁾),—не дастъ ли онъ проповѣди, которую говорилъ надъ университетцемъ. Только въ пятницу поутру могъ я передать эту просьбу о. Θεодору. Въ пятницу же вечеромъ, послѣ молитвы, пришелъ я за проповѣдью къ о. Θεодору; а онъ подумалъ, что я пришелъ за своей проповѣдью, которую подаль ему съ предложеніемъ своей готовности—передѣлать ее, если будетъ нужно. О. Θεодоръ признался мнѣ, что проповѣдь ему не понравилась и

¹⁾ Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа.

разсказаль, — что́ нужно передѣлать, — что́ прибавить; а когда я спросилъ, — что же — зачеркнуть? — (потому что проповѣдь и такъ почти два листа), о. Теодоръ рѣшилъ, что, — значить, — ему надобно прочесть ее со мной самому. Я засталъ о. Инспектора въ этотъ разъ за ужиномъ весьма страннаго содержанія: передъ нимъ лежалъ на тарелкѣ ломоть чернаго хлѣба, стояла кружка воды и въ стаканѣ натертый хрѣнъ, разведенный чѣмъ-то, — кажется, — тоже водой; онъ кушалъ черный хлѣбъ съ хрѣномъ; я засталъ его на половинѣ стакана, и онъ при мнѣ скушалъ весь хрѣнъ чайной ложечкой. Послѣ я услышалъ, что онъ на похоронахъ простудился и чувствовалъ лихорадочные припадки; вѣроятно, вслѣдствіе того былъ такой ужинъ; а то, — вообще говоря, — о. Теодоръ не изъ числа строгихъ проповѣдниковъ поста; и самъ кушаетъ — хотя весьма мало, но — все, что предлагаетъ ему Кириллъ. А худъ онъ до чрезвычайности! это особенно видно на рукахъ: руки его худѣ моихъ; обликъ такой же ссохшійся, какъ изображаютъ на иконахъ Святителя Митрофана Воронежскаго. Только голова у него большая, — вовсе не по туловищу; къ тому же онъ и поясъ носить очень низко; оттого, — когда его видишь въ подрясникѣ (что бываетъ очень рѣдко), — такъ онъ представляется какъ будто мальчикомъ съ головой большого человѣка“.

„Въ воскресенье передъ обѣдомъ меня позвалъ о. Теодоръ, чтобы отдать мнѣ проповѣдь свою надъ Модестомъ ¹⁾. Такъ какъ до обѣда онъ не успѣлъ прочесть ее, то велѣлъ зайти къ нему и послѣ обѣда; при этомъ я попросилъ у него и своей проповѣди, видя, что при теперешнихъ ректорскихъ занятіяхъ ему некогда будетъ прочесть ее со мной, чтобы мнѣ потомъ уже исправить: а оставить ее у него не исправленною, — онъ же могъ бы этимъ огорчиться. Пока онъ прочитывалъ свою проповѣдь, — пока опять говорилъ объ исправленіи моей, время набралось до 20 м. 4-го, а онъ еще — кажется — не обѣдалъ“.

(1857 г. Марта 26/31) „Еще поутру въ четвергъ“ (на 6-й недѣлѣ Великаго Поста) „черезъ повара о. Теодора распространился слухъ, будто ему пришло письмо, которымъ его

¹⁾ Мод. Станисл. Нагловскимъ, племянникомъ помѣщика Леонтьева. Напечатана въ кн. О Правосл. въ отнош. къ соврем.

увѣдомляютъ о переводѣ куда-то въ Сибирь. Эта печальная новость все болѣе и болѣе подтверждается. Въ четвергъ вечеромъ о. Ѳеодоръ, къ слову, сказалъ Павлову: „А что, какъ меня, батюшка, отъ васъ куда нибудь двинуть“? О. Веніаминъ издалъ старшимъ строгія требованія относительно мѣсячныхъ вѣдомостей; а, конечно, онъ не сталъ бы такъ настоятельно этого требовать, если бы продолжалъ еще считать себя двухнедѣльнымъ инспекторомъ.

Только куда въ Сибирь? А вѣрно, исполняется предчувствіе о. Ѳеодора, который не-разъ говорилъ, и въ послѣдній разъ, провожая одного студента въ Нерчѣнскъ, повторилъ: „ноетъ мое сердце! чувствую, батюшка, что быть мнѣ когда нибудь въ Сибири“. За наше невниманіе отнимаетъ у насъ Господь Свое познаніе! вѣрно, не стоимъ того, чтобы открывать намъ истину живую, и—скучно же будетъ слушать опять мертвую букву догматизма!.. Впрочемъ, въ воскресенье о. Ѳеодоръ недаромъ говорилъ мнѣ, что ужъ если Господь устроить это, такъ,—вѣрно,—такъ надобно“.

„Въ нашемъ монастырѣ, какъ вы видите, на все есть свой уставъ, гораздо посовременнѣе, чѣмъ Уставъ, лежащій въ алтарѣ, на аналоѣ; потому у насъ и въ Лазарево Воскресенье пироги были назначены съ икрой, а сдѣланы съ фаршемъ; супъ былъ съ молоками, да еще, сверхъ расписанія, холодное изъ рыбы. Просто,—насъ лакомятъ! А что студенты пьютъ чай до часовъ, причемъ получаютъ и порціи бѣлаго хлѣбъ,—такъ это дѣлается совершенно съ вѣдома о. Инспектора. О. Веніаминъ еще не дѣлаетъ явныхъ перемѣнъ и особенно—отмѣненія прежнихъ распоряженій; но одна молва о его строгости уже много сдѣлала измѣненій; такъ, я воспользовался его именемъ и авторитетомъ, чтобы отучить своихъ студентовъ“ (т. е., студентовъ своего номера)—„оставлять книги гдѣ ни попало: на диванахъ, столахъ и конторкахъ; прежде я не вступался въ это,—потому что начальство не дѣлало на это замѣчаній; значить, явно было бы, что я налагаю требованіе часто въ свое удовольствіе. Но, конечно, много будетъ новаго, когда онъ будетъ утвержденъ формально“.

„Я уже какъ-то примирился съ мыслью, что мы не дослушаемъ курсъ у о. Ѳеодора. Сначала было это меня очень поразило. Въ прошедшее воскресенье онъ, между прочимъ.

въ утѣшеніе мое о предполагаемомъ скоромъ разлученіи, высказаль и то, что уже довольно намъ и передано; довольно мы можемъ найти его системы по разнымъ мѣстамъ, и это правда: Шестодневъ, Ап. Павелъ, третье письмо къ Гоголю заключаютъ почти всю его догматику; теперь только очень жаль, что онъ не успѣетъ, вѣроятно, прочитать намъ о Церкви, не успѣетъ просмотрѣть рядъ нашихъ поученій о таинствахъ и—невозвратились еще къ нему нечитанныя нами и нигдѣ не списанныя письма о праздникахъ, заключающія въ себѣ нравственное богословіе; особенно жаль послѣдняго! Если бы можно было, — право, — рѣшился бы еще годъ проучиться въ академіи, только бы дослушать его“!

Всѣ перечисляемыя здѣсь сочиненія о. Теодора, въ разное время уже напечатаны. Проповѣди студентовъ о таинствахъ, о которыхъ и выше говорилось, или не были собраны и доставлены о. Теодору, или оказались настолько неудовлетворительными, что не были использованы, какъ это имѣлось въ виду, и „Письма о благодати таинствъ“ написаны были впоследствии самимъ о. Теодоромъ.

(1857 г. *Апр.* 6—10). Письмо наполнено описаніемъ бытія въ Академію новаго ея о. ректора—Архимандрита Іоанна, (послѣ епископа Смоленскаго, извѣстнаго канониста), явившагося въ Великій Четвергъ. „Въ среду я исповѣдывался у того же о. Іоанна; на вечернемъ правилѣ (его вычитываютъ у насъ обыкновенно на маломъ повечеріи, предъ утреней) акаѣистъ Божіей Матери читаль для насъ о. Григорій, а утреннее правило все читаль самъ о. Теодоръ передъ часами. Служба въ Вел. Четвертокъ началась у насъ въ 8 часовъ. Кромѣ студентовъ и нѣкоторыхъ служащихъ при академіи, въ нашей церкви причащались Софья Дм., Нат. Ив., Александра Ив., и Ант. Ив.;—Пет. Ив. и Алекс. Ив. накануне исповѣдывались послѣ обѣдни въ церкви у о. Теодора и, вѣроятно остались очень довольны своимъ новымъ духовникомъ, потому что уѣхали въ слезахъ и исповѣдывались очень долго“.

„Въ Вел. Субботу въ 9 часовъ собрались“ (въ церковь) „желающіе студенты, пришелъ о. Инспекторъ и началъ читать кн. Дѣяній и прочиталь всю, потомъ я почиталь немного и уже было половина 12; я пошелъ одѣваться“.

Затѣмъ идетъ рядъ краткихъ замѣтокъ о пасхальныхъ дняхъ.

По прїѣздѣ о. Инспектора отъ архіерея, мы (старшіе изъ всѣхъ номеровъ) „были у него; онъ только что располагался закусить,—разговѣться,—прежде отправленія съ визитомъ къ губернатору; пригласилъ и насъ закусить съ нимъ. „Вина я не ставлю“—сказалъ онъ, „потому что о. Ректоръ строго смотритъ на это. Но потомъ не вытерпѣлъ: „Нѣтъ! хочется мнѣ васъ попочтовать виномъ; Кирилъ! подай - ко сюда вино“!

„Вечерню и всенощную „(на второй день Пасхи)“ служилъ нынѣ о. Инспекторъ, а о. Ректоръ не былъ даже и въ церкви. За то нынѣ былъ за обѣдней (т. е. о. Ректоръ), а служилъ обѣдню о. Инспекторъ“.

(На третій день Пасхи). „У насъ въ 6 часовъ должна была начаться всенощная и, хотя она была необязательная, хотя студенты были уволены и я записался до 8 часовъ; но о. Инспекторъ сказалъ, что кто находитъ быть полезнѣе у всенощной, тотъ чтобы возвратился къ 6 часамъ; а мнѣ и самому не хотѣлось бы пропустить всенощной. Но, конечно, тотчасъ послѣ обѣда уйти было неловко ¹⁾ и, возвратясь въ академію, я всенощную засталъ уже на 9-й пѣсни“.

(Среда Пасхи). „Службы у насъ нынѣ не было, и вчера всенощная была для о. Θεодора и о. Веніамина, которымъ нынѣ надобно было служить въ соборѣ“.

„Недавно я имѣлъ случай узнать рекомендацію мою, сдѣланную о. Діодоромъ“ (помощникомъ инспектора въ его двухмѣсячной вѣдомости о характерѣ и поведеніи студентовъ) „онъ далъ мнѣ рекомендацію человѣка, который „даетъ себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ словахъ и поступкахъ“,—рекомендація не очень лестная для меня, но со стороны о. Діодора вполне справедливая; потому что съ нимъ я, дѣйствительно, очень остороженъ не только въ поступкахъ, но и въ словахъ, опасаясь отъ него,—конечно,—не зла какогонибудь, оттого что онъ человѣкъ съ добрейшимъ сердцемъ,—по его петербургской наклонности—все осмѣять,—для красиваго словца. Незнаю, какого нынѣ обо мнѣ мнѣнія о. Инспекторъ, а прежде,—предъ окончаніемъ младшаго курса,—

¹⁾ Обѣдалъ я у Корсаковыхъ.

онъ очень и даже очень невысоко ставилъ меня въ спискѣ поведенія, который представляютъ здѣсь инспекторъ и его помощникъ. Это тогда же мнѣ намекалъ и окончательно высказалъ необузданный болтушка—о. Веніаминъ, когда я сидѣлъ у него послѣ ужина очень долго въ Вербное Воскресенье, принеши свою мѣсячную вѣдомость; онъ все хотѣлъ убѣдить меня, что о. Теодоръ, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, не дойдетъ до добра, если не перемѣнитъ ихъ. Но этотъ фактъ, выставленный имъ, гораздо болѣе говорилъ противъ его убѣжденій, потомучто о. Инспекторъ былъ гораздо проникательнѣе и вѣрнѣе въ своемъ взглядѣ на меня, чѣмъ о. Веніаминъ, настоявшій, чтобы поставить меня въ числѣ первыхъ, если не первымъ по поведенію. Изъ обращенія о. Теодора нельзя ничего заключить, потомучто онъ почти одинаково хорошъ со всѣми, всегда равно добръ ко мнѣ и даже особенно добръ бываетъ съ тѣми, въ которыхъ замѣчаетъ особенные нравственные недостатки, потомучто „не требуютъ болѣе здравые такого попеченія врача, какъ особенно болящіе“.

(1857 г. Апр. 14—17). „Въ заключеніе и дополненіе ко всему, что сказано объ о. Ректорѣ“ (новоприбывшемъ Архим. Іоаннѣ сказано въ этомъ письмѣ), „приведу еще обстоятельство, надѣлавшее у насъ немало шума въ академіи. Я писалъ Вамъ, что во вторникъ на Пасхѣ у насъ была всенощная для о. Инспектора и о. Веніамина. Тогда, пришедши поздно отъ Корсаковыхъ, я не слышалъ того, что было передъ всенощной и услышалъ уже послѣ: о. Григорій, пришедши въ 6 часовъ въ корпусъ ¹⁾, послалъ себѣ преспокойно благовѣстить, не спросясь даже о. Инспектора, который, вѣроятно, отслужилъ бы всенощную безъ шума. О. Ректоръ, выглянувъ въ форточку, прогналъ служителя, который принялся благовѣстить“. (Два столбика съ перекладиной и навѣсомъ надъ ними, на которыхъ висѣлъ академическій колоколъ, стояли какъ разъ предъ окнами ректорской квартиры, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ славнаго академическаго корпуса). Нѣсколько студентовъ пришли въ церковь. Но о. Григорію, вѣрно, показалось мало, и онъ послалъ вверхъ—пробить

1) Въ главный академическій корпусъ; а въ двухъ флигеляхъ помѣщались профессорскія, бакалаврскія квартиры и больница.

звонокъ. Это, должно быть, окончательно вывело изъ себя о. Ректора; онъ позвалъ о. Эконома и сдѣлалъ ему допросъ: кто позволилъ отпереть церковь? какъ смѣли благоувѣститъ? зачѣмъ сзывали студентовъ? что за всенощная? службы не положено!“ Конечно, все пало на о. Инспектора. „Запереть церковь!“ О. Экономъ доложилъ, что уже собрались студенты. Тогда о. Ректоръ велѣлъ послать наверхъ, чтобы, по крайней мѣрѣ,—кто не пришелъ еще, чтобы они не ходили; а для другихъ подтвердилъ, „что - бы впередъ безъ его приказанія никто не смѣлъ пальцемъ шевельнуть въ академіи!“

„Преосвященный Агаѳангелъ,—на другой же день послѣ своего посвященія,—1-го апрѣля,—написалъ къ Корсаковымъ и къ о. Инспектору. О. Θεодору писалъ, что старался было о его назначеніи въ Петербургскую семинарію, потомъ—въ Новгородскую, потомъ—въ Пензенскую; но такъ какъ всюду уже назначены или, по крайней мѣрѣ, предвѣщены уже были другіе, то успокоиваетъ его и пишетъ, что получилъ отъ Оберъ-Прокурора порученіе,—написать новому о. Ректору, чтобы онъ „обращалъ особенное вниманіе“ на о. Инспектора“.

Если дѣйствительно послѣдовало такое начальственное воздѣйствіе на о. Іоанна; то—можно быть увѣреннымъ, что оно имѣло дѣйствіе какъ разъ противоположное желаніямъ графа А. П. Толстого и Преосвящ. Агаѳангела. Очень можетъ быть, что исторія по поводу всенощной на третій день Пасхи была именно проявленіемъ „особеннаго вниманія“ Оберъ-Прокурора Св. Синода къ о. Θεодору и этой рекомендаціи.

Но о. Θεодоръ, съ младенческой простотою и непониманіемъ, нисколько не измѣнилъ своихъ отношеній къ о. Ректору послѣ суроваго напominанія со стороны послѣдняго о своемъ начальническомъ величіи и самодержавіи; другой ограничилъ бы свои отношенія къ ректору предѣлами крайней необходимости; о. Θεодоръ, какъ и прежде, чтитъ въ немъ волю начальника,—напримѣръ, не противорѣчитъ его требованію абсолютной трезвости отъ студентовъ, хотя не можетъ и утерпѣть, чтобы не угостить студентовъ виномъ; какъ и прежде, онъ является просителемъ за своихъ студентовъ. Подъ 1 мая у меня записано: „Поздравьте насъ:

первый майскій день и—первая рекреація; вчера о. Инспекторъ сходилъ къ о. Ректору и выпросилъ для насъ рекреацію,—съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ была и служба; о. Ректоръ согласился и такимъ образомъ у насъ рекреація сдѣлала праздникъ, тогда какъ обыкновенно въ Преполовленіе мы учились“.

(Продолженіе слѣдуетъ).
